Флоренс Адлер плавает вечно

Автор:
Рэйчел Бинленд

Флоренс Адлер плавает вечно

Рэйчел Бинленд

Novel. Большая маленькая жизнь

Основанная на реальной истории семейная сага о том, как далеко можно зайти, чтобы защитить своих близких и во что может превратиться горе, если не обращать на него внимания.

Атлантик-Сити, 1934. Эстер и Джозеф Адлеры сдают свой дом отдыхающим, а сами переезжают в маленькую квартирку над своей пекарней, в которой воспитывались и их две дочери. Старшая, Фанни, переживает тяжелую беременность, а младшая, Флоренс, готовится переплыть Ла-Манш. В это же время в семье проживает Анна, таинственная эмигрантка из нацистской Германии. Несчастный случай, произошедший с Флоренс, втягивает Адлеров в паутину тайн и лжи – и члены семьи договариваются, что Флоренс… будет плавать вечно.

Победитель Национальной еврейской книжной премии в номинации «Дебют». Книга месяца на Amazon в июле 2020 года. В списке «Лучших книг 2020 года» USA Today.

«Бинленд превосходно удалось передать переживание утраты и жизни, начатой заново после потери любимого человека, где душераздирающие и трогательные события сменяют друг друга». – Publishers Weekly.

Рэйчел Бинленд

Флоренс Адлер плавает вечно

Rachel Beanland

FLORENCE ADLER SWIMS FOREVER

Copyright © 2020 by Rachel Beanland Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

© Обаленская И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

В память о моем отце, Сэмюеле Бодди Мойле III, и моей бабушке, Фрэнсис Кац Ганштейн

Июнь 1934

Гусси

Гусси Фельдман не любила плавать, но ей нравилось лежать на мокром песке в тени Стального пирса Атлантик-Сити и ждать, когда ее омоет легкой зыбью волны. Если ей удавалось найти правильную позу, то прибой поднимал тело, на пару мгновений даря ощущение невесомости.

Она так и лежала, глядя в ярко-голубое небо, когда лицо тети Флоренс закрыло обзор.

– Дома я нашла совершенно очаровательную записку, – сказала Флоренс. – Хочу передать автору мое восхищение.

Гусси широко улыбнулась. Она больше четверти часа потратила на записку, которую затем аккуратно поместила посреди прихожей в квартире бабушки и деда на восточный ковер, чтобы Флоренс точно ее увидела. Фиолетовым карандашом она крупно написала: «Дорогая Флоренс! И Анна. Мы на пляже. Приходите к нам развлекаться! С любовью, Гусси». В последний момент она решила, что восклицательных знаков недостаточно, и добавила еще три после имени Флоренс. Анне она не выделила ни одного в надежде, что гостья заметит их отсутствие и решит остаться в квартире.

– Поиграем в русалочек? – спросила Гусси, полагая воспользоваться хорошим настроением тети. Иногда в ответ на ее просьбу Флоренс скрещивала лодыжки, и тогда они обе притворялись русалками, плавающими неподалеку от островов Тонга, о которых Гусси прочитала в иллюстрированных «Сказках Южных морей».

– Совсем недолго. Потом я пойду плавать.

Флоренс легла на песок рядом с Гусси. Волны накрывали лодыжки, бедра и плечи, толкая их тела друг к другу. Когда они соприкасались кожей, Гусси чувствовала себя неловко. Так происходило всегда, когда тетя возвращалась домой из колледжа. Гусси требовалось время, чтобы вновь привыкнуть к ее лицу и к тому, сколько места она занимала в комнате. А как странно она говорила с Гусси – как будто та являлась одновременно любимым ребенком и доверенным взрослым.

– Что ты думаешь об Анне? – Флоренс приподнялась на локтях и помахала Анне. Было жарко, и пляж переполнился людьми, но Гусси сразу нашла ее взглядом.

– Думаю, что по ее вине мне приходится спать на лоджии.

Флоренс громко расхохоталась.

– Ерунда. Я все детство провела, уговаривая маму и папу расчистить веранду. В основном чтобы сбежать от твоей матери. – Она протянула руку и ущипнула Гусси за бок. – Тебе повезло.

Гусси этого не знала. Веранда была не такой уж плохой – не меньше, вообще-то, ее собственной спальни в родительской квартире. Окна смотрели на океан, и если она становилась на цыпочки, то за острыми крышами домов вдоль Вирджиния-авеню могла разглядеть пляж, где сине-белые зонты казались крошечными вертушками. Вид был красивый, но в утренние часы летом, когда солнце поднималось над Атлантическим океаном и его длинные лучи пробивали стекло, на лоджии становилось невыносимо жарко. В такие моменты Гусси жалела, что бабушка с дедушкой не остались на лето в доме на Атлантик-авеню.

– Мне просто жалко, что мы живем в квартире, – она позволила себе сказать это вслух, потому что бабушка и дедушка расположились на пляжных стульях далеко от них. На летние месяцы Эстер и Джозеф сдавали стоящий всего в квартале от пляжа дом туристам, а сами переезжали в квартиру над пекарней, где, как Эстер напоминала всем начинающим жаловаться, семья счастливо проживала, пока Флоренс и ее старшая сестра Фанни были маленькими.

– Ты знаешь, сколько лет я жалела, что летом живу в этой квартире? – спросила Флоренс.

– Сколько?

– Боже, понятия не имею, – ответила она, брызгая на Гусси водой. – Это был риторический вопрос.

– Что значит «риторический»?

Флоренс подняла лицо к небу и задумалась.

– Что-то, что ты говоришь, потому что это хорошо звучит, а не потому что ты правда ждешь от кого-то ответа.

– Тогда зачем спрашивать?

– Потому что это лучше, чем вообще не сказать ничего. – Флоренс сжала в ладони горсть мокрого песка, продавливая его сквозь пальцы. – Хотя твои слова наводят на мысли, почему бы нам всем тогда не говорить друг другу вещи, которые мы действительно имеем в виду.

Гусси наморщила нос и тоже схватила пригоршню песка. Флоренс будто забыла, что Гусси всего семь лет, и поэтому ей никто ничего не говорит. Все свои знания о чем угодно она приобретала, не привлекая к себе внимания и наблюдая.

Взять ее мать, к примеру. Гусси узнала, что мать – Фанни – снова ждет ребенка, потому что подслушала ее разговор с миссис Кингман, когда они зашли в ее магазин за парой чулок. Она догадалась, что беременность опасная, потому что слышала, как за последние месяцы дедушка несколько раз просил мать быть осторожной. И она знала, что доктор Розенталь рекомендовал строгий постельный режим в больнице Атлантик-Сити, потому что мать повторила его предписание Эстер, когда вернулась после недавнего визита ко врачу.

Бабушка с мамой долго решали, что делать с Гусси, пока мать будет лежать в постели. Вариант оставить ее с отцом – Айзеком – даже не обсуждался. Гусси знала это, потому что подслушала, как Эстер именно такими словами и сообщила Фанни: «Оставить Гусси в твоей квартире? Даже не обсуждается».

Гусси была уверена, что отец начнет протестовать, когда узнает о планах матери отправить ее на лето к бабушке и дедушке, но переезд Фанни в больницу приближался, а от него не прозвучало ни слова. За день до того, как мать легла на сохранение, она сложила в старый чемодан летнюю одежду и купальник Гусси, несколько книг, мячик и цветные карандаши. Чемодан громоздился в узкой прихожей их квартиры валуном, через который Айзеку приходилось переступать по пути на кухню. Когда Гусси не смогла больше терпеть молчания отца, она взмолилась:

– Папа, разве я не могу остаться с тобой? Здесь?

– Гусенок, – откликнулся Айзек, будто намереваясь ответить прямо, – ты представляешь, во что мы встрянем, если будем торчать тут на пару с тобой?

Гусси начала задумываться, не могла ли вся ее жизнь быть риторической – никаких прямых ответов, – когда Флоренс вернула ее в настоящее.

– Коленки и пятки вместе, помнишь? Если ты русалка, то можешь двигать только ступнями. В смысле, плавниками.

Гусси оттолкнулась от песочного дна и поползла сквозь волны, направляя себя руками и взмахивая хвостом. Как всегда, она аккуратно держала подбородок над водой.

– Как я выгляжу? – кинула она через плечо. Но Флоренс даже не смотрела в ее сторону. Вместо этого она сидела в волнах прибоя и изучала берег.

Гусси вернулась обратно и помахала ладошкой перед лицом Флоренс.

– Давай притворимся, что ты русалка в аквариуме на Стальном пирсе, а я приплыву из Австралии спасать тебя.

– Зачем меня спасать? – осведомилась Флоренс. Казалось, мыслями она все еще была далеко. – Разве мне не нравится жизнь на пирсе?

– Ты хочешь быть свободной, чтобы плавать в океане, глупая.

Флоренс повернулась к Гусси, полностью сосредотачивая на ней внимание.

– Ты абсолютно права. Я почти забыла.

* * *

Когда Флоренс и Гусси вернулись к стульям, которые Джозеф и Эстер взяли напрокат, то обнаружили там только сидящую на пледе Анну.

– Твои родители ушли на прогулку, – пояснила она Флоренс, совершенно игнорируя Гусси.

Флоренс потянулась к сумочке из плиссированной ткани, и Анна подала ее. Девушка начала в ней рыться, и из сумки выпала красная купальная шапочка. Гусси подняла ее, но Флоренс отмахнулась – она уже держала одну шпильку в

ладони и еще три в зубах. Пока Флоренс закалывала короткие каштановые волосы, Гусси с восхищением разглядывала резиновую шапочку. Тетины вещи всегда были невероятно красивыми. Крошечные оттиски узора разлетались по поверхности шапочки аккуратными рядами. Каждый напоминал Гусси звездочку.

– На этом пляже обязательны купальные шапочки? – поинтересовалась Анна.

Флоренс что-то пробормотала сквозь сжатые губы, но из-за шпилек слова невозможно было разобрать, так что Гусси ответила за нее.

– Больше нет.

Анна беспричинно раздражала Гусси. Тихая и слегка непонятная в разговоре, она была милой и даже красивой – с темными волнистыми волосами, зелеными глазами и бледной кожей, которой не суждено было загореть, если Анна и дальше собиралась ходить на пляж в своих тусклых хлопковых платьях.

– Волосы попадают в глаза, когда я плаваю, – пояснила Флоренс, доставая изо рта последнюю шпильку.

– Хорошо, – сказала Анна, но получилось скорее «корошо». У нее был почти идеальный английский, но с явным акцентом, и иногда она говорила медленно, будто слова тянулись, как мягкая карамель. Часто Гусси не хватало терпения дождаться их. Мама просила Гусси быть добрее – предлагала представить, каково Анне жить на новом месте, так далеко от своих родителей, – но сочувствия это в девочке не пробуждало.

Гусси услышала высокий свист и выкрик «хэй-хо!» и повернулась – как раз когда Стюарт Уильямс спрыгнул с Набережной на горячий песок.

– Покинул свой пост? – крикнула ему тетя. Он подбежал и крепко обнял Флоренс. Анна и Гусси поднялись, чтобы поздороваться с ним.

Гусси считала Стюарта весьма привлекательным. Он совсем не походил на мужчин в ее семье или на других мужчин из синагоги. У него были чистые голубые глаза и короткие светлые волосы, а в летние месяцы его кожа загорала до золотисто-коричневого цвета. Он носил такую же синюю одежду, что и все

остальные спасатели Пляжного патруля Атлантик-Сити – шерстяной слитный купальный костюм с белым поясом и буквами ППАС на груди.

– Дэн сказал, что ты тут, и я должен был узреть морскую сирену своими глазами. – Он потер макушку Гусси кулаком и протянул Анне ладонь. – Я Стюарт.

– Стюарт, это Анна из Германии, – сказала Флоренс. – На лето она остановилась у моих родителей. Пока не отправится в колледж.

– Приятно познакомиться, Анна из Германии, – отозвался он с улыбкой. – Куда ты пойдешь учиться?

– Педагогический колледж штата Нью-Джерси.

– А, в живописном Трентоне.

– Он остряк. Не обращай на него внимания, – заговорщицки сообщила Флоренс Анне. – В Трентоне нормально.

Глаза Стюарта блестели.

– Когда ты вернулась? – спросил он, снова возвращаясь к Флоренс.

Флоренс коснулась пальцем губ, словно решая сложную арифметическую задачу.

– Три или четыре дня назад?

– И я вижу тебя только сейчас? Я разгневан.

– Я искала тебя на спасательной вышке Стейтс-авеню, но там сказали, что выгнали тебя на пляж.

Он качнул головой в сторону «Ковингтона».

– Длинная история. Такую лучше рассказывать в лодке.

– Вне сезона Стюарт работает тренером в плавательном клубе «Амбассадор», – объяснила Анне Флоренс. – Четыре года гонял меня.

– И все без толку, – сказал Стюарт.

– Он чудовище, – пожаловалась Флоренс, но Гусси знала, что это неправда. Ей не нравилось, когда взрослые говорили противоположное тому, что имели в виду.

– Ну что, ты правда собираешься сделать это? – спросил он Флоренс, когда улыбки у всех поблекли.

– Собираюсь.

– И как тренировки?

– Отлично, хорошо. Я все время провожу в бассейне, так что приятно вернуться в океан.

Гусси задумалась, знает ли Анна о планах Флоренс. Она уже собиралась сказать что-нибудь, когда та спросила:

– Будет какое-то соревнование?

– Только с самой собой, – ответила Флоренс с усмешкой.

– Она собирается переплыть Ла-Манш, – сказал Стюарт.

Флоренс поправила его:

– Попытаться переплыть Ла-Манш.

– Не притворяйся скромницей, – возразил он. – Тебя видно насквозь.

Флоренс потянулась, чтобы коснуться руки Анны, и громко прошептала, чтобы все слышали:

– Не обращай на него внимания, – и, к удивлению Гусси, Анна рассмеялась. Это был чуждый звук, и Гусси не понимала, как к нему относиться. Анна прибыла в Атлантик-Сити в марте – Джозеф съездил в Джерси-Сити, чтобы забрать ее с паромного терминала – и за все это время Гусси не видела, чтобы ее глаза хоть чуточку сощурились в улыбке.

Флоренс посерьезнела.

– На самом деле Стюарт мне очень помог.

– Не нахваливай меня, пока не окажешься на другом берегу.

– Как долго это занимает? – спросила Анна.

– Труди Эдерле переплыла пролив за чуть больше чем четырнадцать часов. Я надеюсь справиться быстрее чем за двенадцать.

– Так много времени в воде, – отметила Анна.

Гусси не терпелось поучаствовать в разговоре.

– Флоренс говорит, язык распухает, как воздушный шар.

– Это правда? – осведомилась Анна.

Флоренс пожала плечами.

– К сожалению, да.

– У нее все получится, – сказал Стюарт. – Я так поработаю над ней этим летом, что она сможет просто перелететь пролив.

– Ты поплывешь из Англии или Франции? – спросила Анна.

– Из Франции, – ответила Флоренс. – Мыс Гри-Не. Прибой немного нежнее, если плыть в сторону Дувра.

– Тогда и ты полетишь во Францию? – поинтересовалась Анна у Стюарта.

Стюарт как будто собирался что-то сказать, но Флоренс прервала его.

– Только через отцовский труп. И он, и мама считают, что это будет совершенно неприлично.

– Во Франции ее будет ждать Билл Берджесс. Он специалист мирового класса, и я уже не понадоблюсь.

– Неправда, – сказала Флоренс.

Гусси смотрела, как легко общались Флоренс, Стюарт и даже Анна, и страстно желала вырасти. Она попробовала положить руку на бедро и сделать другой несколько широких важных жестов. Стюарт скрестил руки на груди, и она повторила за ним, но получилось неестественно. Когда он в конце концов заметил, что она его копирует, то подмигнул, и Гусси спрятала руки за спиной.

Стюарт глянул на запястье и, должно быть, сообразил, что не надел часы.

– Мне пора возвращаться. Встретимся у вышки на Кентукки-авеню завтра утром в шесть? – предложил он Флоренс. – Буду следовать за тобой на лодке пару часов.

Флоренс ничего не ответила, но подняла подбородок, что Гусси приняла за согласие.

– Было приятно познакомиться, – сказала Анна Стюарту, когда он собрался уходить.

– И с тобой.

Гусси тоже хотела попрощаться, но Стюарт уже бежал в сторону Набережной.

– Приятный молодой человек, – обратилась Анна к Флоренс, когда он уже не мог ее услышать. – И без памяти влюблен в тебя.

– Стюарт? – переспросила Флоренс, будто ей такое даже в голову никогда не приходило. – Боже, нет. Куда я дела свою шапочку?

Гусси, которая держала шапочку в руках все это время, нехотя вернула ее.

– Присмотришь за Гусси, пока родители не вернутся? – попросила Флоренс Анну, растягивая резину поверх волос.

Гусси снова почувствовала раздражение. Она сама придумала пойти на пляж, а теперь застряла тут с Анной, с которой едва ли можно было поиграть в русалочек или еще во что-нибудь, раз она даже не соизволила переодеться в купальник.

– Ты же завтра плавать пойдешь. Со Стюартом, – взмолилась Гусси в последней попытке спасти день. Но тетя не слушала ее. Она заправила последние локоны под шапочку, послала девочке воздушный поцелуй и направилась в сторону океана.

Гусси смотрела, как Флоренс входит в воду, как та достигает сначала колен, а потом – бедер. Она нырнула в гребень волны, и когда Гусси снова отыскала ее глазами, Флоренс уже плыла. Она напоминала Гусси дельфинов, которых иногда было видно у берега, – таких грациозных, будто они и не двигались вовсе. Она следила несколько минут, как Флоренс становится все меньше и меньше, пока единственным, что Гусси могла разглядеть у горизонта, не стала красная шапочка, а после – и вовсе ничего.

* * *

Гусси снова плескалась в воде, разглядывая небо, когда услышала три коротких свистка. Она поднялась на ноги, как раз чтобы увидеть, как один из спасателей с ближайшей вышки бежит в сторону Садового пирса. Там два других спасателя спускали на воду лодку.

– Гусси, – позвала Анна. – Вылезай из воды. Немедленно.

Гусси понадобилась минута, чтобы вытрясти воду из ушей. Она правильно расслышала? Весь пляж неестественно затих, словно она смотрела немое кино.

Она посмотрела на пляж и увидела, как к ним приближаются бабушка и дедушка.

– Где Флоренс? – громко спросила Эстер, чтобы было слышно за шумом прибоя.

– Она отправилась плавать, – ответила Анна.

– Когда?

– Около часа назад.

Бабушка посмотрела на Анну и Гусси, затем перевела взгляд на собирающуюся чуть поодаль толпу и на лодку, удаляющуюся к горизонту. Без предупреждения Эстер бросилась бежать, и Джозеф последовал за ней. Гусси никогда не видела, чтобы бабушка или дедушка бегали, – и поразилась, как ловко у них получалось.

Она выбралась из воды, и Анна обернула ее полотенцем, а затем повела в сторону Садового пирса. Когда они добрались до Эстер и Джозефа, спасательная лодка уплыла далеко от берега и невозможно было понять, что на ней происходит. Гусси прикрыла глаза рукой от солнца, пытаясь разобрать хоть что-то. Ей показалось, что лодка остановилась, и один из спасателей спрыгнул с борта в воду.

– Это она? – прошептала Эстер Джозефу достаточно громко, чтобы услышала Гусси.

– Кто? – спросила Гусси, но никто не ответил, даже Анна.

Через несколько долгих минут силуэт лодки начал увеличиваться в размерах. Гусси разглядела, что на веслах только один спасатель. Куда делся второй? Только когда лодка подплыла гораздо ближе, она заметила, что тот согнулся над чем-то лежащим на дне посудины.

Лодка рассекла мокрый песок в дюжине ярдов от небольшой толпы. Весла громыхнули в уключинах и упали на песок, а спасатели начали спешно вытаскивать лежащего в лодке человека.

Именно тогда Гусси увидела всплеск цвета и перевела взгляд на Анну, чтобы проверить, заметила ли его и она. Рука Анны взметнулась ко рту. Спасатели извлекли из лодки тело, бледное и бездвижное, и положили его на песок, но Гусси могла смотреть только на красную купальную шапочку на голове своей тети. Она закрыла ладонями уши, когда воздух наполнился рыданиями бабушки.

Эстер

Больничная палатка на Вирджиния-авеню регулярно имела дело с солнечными ожогами и ударами, а также с ожогами от медуз, но если у них в тот день и были пациенты с подобными жалобами, то они давно ушли, когда спасатели принесли в палатку Флоренс. Небольшая команда – пляжный хирург, врачи, медсестры – в полном составе сгрудилась вокруг койки в дальнем углу палатки.

Эстер не могла уложить в голове распростертую на койке девушку.

Что она была ее дочерью.

Что ее дочь не шевелилась.

Когда Эстер прибыла в палатку, она готова была с боем пробиваться сквозь переполох, но Джозеф только подтолкнул ее к паре брезентовых стульев.

– Дай им поработать, – тихо сказал он. Его лицо приобрело землистый оттенок.

Она потянулась к краю стула, с трудом нащупала его и стала вслушиваться в команды, которые пляжный хирург выкрикивал служащим. Как давно Флоренс вытащили из воды? Пять минут назад? Десять? Эстер посмотрела на часы. Половина пятого. Когда она услышала пронзительный свисток? Она не догадалась взглянуть на часы.

– Продолжайте, – скомандовал хирург, прежде чем развернуться к спасателям. – Парни, становитесь в линию. Мы должны работать по очереди.

– Что они делают? – спросила Эстер у Джозефа, когда первый спасатель сменил врача, который стучал Флоренс по спине.

– Делают массаж.

– Да, но почему спасатели?

– Чтобы сменять врачей, – ответил ее муж, не отрывая взгляда от койки. – Они устают.

Эстер обхватила себя и опустила голову между коленей. Когда они успели устать? Прошло совсем немного времени.

Еще через несколько минут она выпрямилась и заставила себя смотреть – сквозь слезы, туманящие взгляд, – как один за другим спасатели бьют ее дочь по спине. Эстер таращилась на врачей, медбратьев и спасателей так долго, что из отдельных людей они слились в единую массу, пульсирующую в ритме ударов.

Она почти пропустила момент, когда пляжный хирург похлопал спасателя по плечу, чтобы тот остановился.

– Помоги мне перевернуть ее, – попросил он одного из врачей, что стояли по другую сторону койки. Голос звучал подавленно. Врачи переглянулись с каким-то испуганным разочарованием и медленно перевернули Флоренс на спину. Затем сложили ее руки по бокам.

– Время смерти, – сказал пляжный хирург, посмотрев на часы, а затем на Эстер, – пять двадцать три.

* * *

В какой-то момент за Флоренс приехали. По Набережной прикатила машина, и из нее вышли двое мужчин с деревянными носилками. Эстер узнала одного из них –

это был Эйб Рот, управляющий Еврейским похоронным домом.

– Они не могут забрать ее! – прошептала Эстер Джозефу. – Пожалуйста, не позволяй им ее забирать.

– Бубала[1 - Бубала – дорогая (идиш.).], мы поедем с ней. Мы не оставим ее одну.

Мужчины склонили головы, подойдя к койке, на которой лежала Флоренс.

– Джозеф. Эстер, – сказал Эйб. – Я вам так соболезную.

Эстер не могла смотреть на него. Ее взгляд не отрывался от лица дочери, от ее бледных щек и синих губ.

– Ты все еще в Бет Кехилла? – спросил Эйб. Они с женой были членами Родеф Шалом, консервативной синагоги на Атлантик-авеню.

Джозеф кивнул.

– Мы позвоним ребе Леви и дадим ему знать. Он приведет Хевра Каддиша[2 - Хевра Каддиша – с арамейского «святое общество», погребальное братство, сообщество людей, которые оказывают последние почести умершему, готовят его к погребению, проводят обряд похорон.]. Полагаю, вы хотите провести техора[3 - Техора – ритуальная чистота в иудаизме, а также обрядовые действия, выводящие человека из ритуальной нечистоты.].

Бабушка Эстер была членом Хевра Каддиша в Висбадене, а мать – в Филадельфии. И все же Эстер передергивало от мысли, что едва знакомые ей женщины станут касаться прекрасного тела ее дочери, будут смывать соленую воду и песок, что налипли на ее руки и ноги. Руки Флоренс несли ее сквозь океан, но задолго до этого они помогали ей ползать по кухонному полу. Они были мягкими, в ямочках и пахли детским мылом и тальком. Эстер была единственной, кто когда-либо ее купал.

– Хотите, чтобы я прочел Видуй[4 - Видуй – исповедание грехов.]? – осведомился Эйб.

– За что ей просить искупления? – резким голосом спросила Эстер. – Ей двадцать. Моей девочке всего двадцать.

– Эстер, – тихим, сдавленным голосом произнес Джозеф. Эйбу он сказал: – Пожалуйста.

Эйб начал читать, и Эстер заревела прямо в мокрый шелк купального костюма Флоренс. Ей представилось, как буквы иврита плывут по воздуху и сплетаются вместе, окутывая Флоренс невидимым покрывалом и охраняя ее. Когда Эйб приступил к Шма[5 - Шма (Шема) – три известных отрывка из Торы о единственности Бога, любви к нему, верности его заповедям.], Джозеф присоединился к нему.

– Шма Исраэль Адонай Элоэйну Адонай эхад. Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь один. Как много раз Эстер слышала эту молитву? Тысячу? Больше? Задумывалась ли когда-либо о ее значении? Джозеф был ближе к старым традициям, Джозеф вырос в маленьком штетле в Лаккенбахе, где возможностей недоставало, а еврейских законов водилось в избытке.

Женщин не обязывали читать Шма, но через некоторое время Эстер тоже начала сквозь слезы бормотать слова. Возможно, что произнося молитву на этом пляже в этот день, Эстер сможет защитить дочь от неизвестности, которую не может видеть и даже представить. Она прошептала:

– Адонай элоэйхэм. Адонай элоэйхэм. Господь – Бог ваш.

* * *

Пока женщины Хевра Каддиша проводили ритуал техора, омывая тело Флоренс и одевая его в тахрихим[6 - Тахрихим – похоронная одежда.], который принесли по случаю, Эстер и Джозеф сидели на диване в передней Похоронного дома Рота и беседовали с ребе Леви.

Ребе, которого конгрегация наняла пять лет назад, едва ли был достойным. Он походил на раввина своей седеющей бородой и очками на самом кончике носа, но по мнению Эстер, его более волновала успешность денежных сборов конгрегации, нежели духовность ее членов.

Ребе Леви предложил найти Флоренс шомера[7 - Шомер – охранник (ивр.).] – члена общины, который проведет с телом ночь, – но Джозеф и слушать не захотел, что они оставят дочь с чужими.

– Это будет длинная ночь, – выразил сомнение ребе. – Вы уверены?

– Я ее отец, – сказал Джозеф, и это простое объяснение заставило Эстер почувствовать гордость, что она вышла за него замуж, что выносила детей, которые сделали эти три коротких слова истиной.

Эйб Рот прошелся по шкафам похоронного дома и вернулся с темно-серым пиджаком и норковой накидкой. Он передал пиджак Джозефу, который оставил его лежать на коленях. Затем он накинул пахнущую нафталином норку на плечи Эстер. Она поблагодарила его и невольно задрожала. Впервые она осознала, что все еще одета в купальный костюм.

Ребе Леви спросил у Эстер, приедет ли из Филадельфии ее семья, и она ощутила нарастающее раздражение. Ее отец умер десять лет назад, а мать – три года назад. Ребе много раз читал по ним Кадиш.

– Нет, – отрезала она без дальнейших разъяснений.

– Подойдет ли вам послеобеденная служба?

Эстер посмотрела на Джозефа, от которого обеим дочерям достались ярко выраженные скулы. Они были к лицу Флоренс, но Фанни делали слишком серьезной, даже в детстве.

Она прошептала имя Фанни. Неужели впервые после смерти Флоренс она хотя бы мельком подумала о живой дочери?

– Джозеф, – сказала она громче. – Фанни.

Джозеф потер руками виски, будто не мог больше воспринимать новую информацию.

Нельзя было проводить похороны. По крайней мере, публичные.

– Фанни нельзя знать.

– Фанни не в порядке? – спросил ребе.

Он знал о ее прошлогодней потере. Большая часть общины была в курсе. Фанни доносила ребенка почти до родов, и многие женщины в общине так или иначе уверяли ее, что форма живота указывает на мальчика. Кейн хоре[8 - Кейн хоре – буквально: «Нет сглаза!». Аналог «тьфу-тьфу-тьфу» и постучать по дереву.]. Ребенок действительно оказался мальчиком, но это не облегчило возвращение Фанни в храм на большие праздники.

– Фанни снова ждет ребенка, – объяснила Эстер, чувствуя, как закипает кровь. – Она уже две недели лежит в больнице Атлантик-Сити. – Она точно упоминала это в его присутствии. Даже если и не упоминала, наверняка говорил кто-то из женщин комитета.

– Когда ожидается ребенок? – спросил рабби.

– Не раньше августа.

– И вы хотите не сообщать ей?

Эстер посмотрела на Джозефа.

– Мы не можем подвергнуть ее опасности потерять еще одного ребенка. – Муж продолжил поглаживать лицо с отсутствующим взглядом. – Ты согласен, Джозеф? Джозеф?

– Что? – наконец переспросил он.

– Что мы не можем рассказать Фанни. Ее беременность и так слишком опасна.

– Ваше предложение очень сложно осуществить, – заявил ребе, для поддержки выискивая взглядом Эйба на другом конце комнаты.

Эстер представила все возможные ситуации, когда Фанни могла бы узнать о смерти сестры. План не был лишен риска. Но еще рискованней казалось сообщить Фанни правду.

– Во время шива[9 - Шива – недельный траур в иудаизме для родственников первой степени родства.] мы обращаемся к внутреннему я, чтобы пережить утрату. Но мы также приглашаем общину, потому что траур невероятно одинок, а наши друзья и семья могут предложить поддержку. – Ребе Леви продолжал говорить, хотя Эстер давно перестала слушать.

– Который час? – перебила она.

Ребе взглянул на карманные часы.

– Половина девятого.

– Эйб, я могу у вас здесь где-то позвонить?

Тот махнул в сторону холла.

– Телефон в моем кабинете.

Джозеф схватил Эстер за руку, когда она встала.

– Бубала?

– Я позвоню Сэмюелю Броди из «Пресс», – сказала она. – Нельзя, чтобы это попало в газеты.

* * *

Было поздно, когда ребе Леви высадил Эстер у квартиры, но даже в темноте она узнала молодого человека, сидящего на ступенях крыльца.

– Вы знаете его? – спросил ребе.

– Да.

Ребе не стал глушить мотор, только обошел машину, открыл Эстер дверцу и помог выйти.

– Я заеду за вами завтра в два.

Она кивнула, не в силах отвести глаза от Стюарта, все еще одетого в форму ППАС. Когда он встал, на его лицо упал свет уличного фонаря, и она увидела, что мужчина плакал.

Машина ребе отъехала, и Эстер жестом показала Стюарту, чтобы он снова сел. Затем она опустилась рядом:

– Анна и Гусси наверху?

Он покачал головой.

– Анна открыла мне дверь. Я не верил, пока не увидел ее лицо.

– Как Гусси?

– Не понимает, думаю.

Дружба Флоренс и Стюарта всегда вызывала у Эстер какие-то странные чувства. По ее опыту мальчишки вроде него, чьи отцы владели отелями на Набережной, а не магазинами к северу от Арктик-авеню, уезжали в колледж – и обычно в те учебные заведения, которые они с Джозефом бранили. Учебные заведения вроде Принстона и Йеля, которые в последние несколько лет установили жесткие квоты и новые стандарты приема студентов, чтобы в классах не было слишком уж много евреев. То, что Стюарт вместо этого вступил в Пляжный патруль Атлантик-Сити и начал строить тренерскую карьеру, казалось Эстер скорее попыткой вывести из себя его отца. Он стоил того, чтобы выводить его из себя, – отель «Ковингтон» был одним из тех, что не принимал евреев, – но иногда Эстер задумывалась, не стала ли дружба Стюарта с Флоренс еще одним способом взбесить родителя.

Именно Стюарт убедил Флоренс подать документы в Уэллсли. Он даже написал от ее лица письмо тренеру Уэллсли по плаванию, мисс Клементине Диркин. Оказывается, Диркин была кумиром Женской ассоциации по плаванию, и Стюарт настаивал – довольно убедительно – что Флоренс должна пойти в колледж, где женщин не ограничивают соревнованиями по синхронному плаванию, как часто случалось. В Уэллсли, обещал он, Флоренс не просто примет участие в соревнованиях на 400, 800 и 1500 метров, но и завоюет в них медали.

Конечно, не Стюарт научил Флоренс плавать, а Джозеф. Но в последние шесть лет, с тех пор, как Флоренс вступила в клуб «Амбассадор» и уехала в колледж, именно Стюарт убеждал ее плавать быстрее и дальше. Он всегда искал новые соревнования, всегда говорил о следующем большом заплыве. Участвовала бы Флоренс в больших заплывах без Стюарта? В одиночном заплыве вокруг острова Абсекон? Она бы точно не нацелилась на Ла-Манш. Если бы не он, задумалась Эстер против воли, была бы ее девочка все еще жива?

– Я бы сопровождал ее на лодке.

– Я знаю, – сказала она грубым, как наждачная бумага, голосом.

– Что она там делала в одиночку?

Эстер не знала, что ответить и как признать, что дочь поступила неразумно.

– Пожалуйста, – сказала она, – не надо.

Стюарт вытер глаза ладонями.

– Когда похороны?

– Завтра.

– Так скоро?

– Евреи не ждут.

Стюарт уставился на колени.

– Я могу прийти?

Она хотела отказать, сказать, что похоронная служба предназначена только для членов семьи. Если не могла прийти Фанни, разве справедливо было приходить Стюарту? Но Эстер могла представить, как ругала бы ее Флоренс за такое поведение. Стюарт явно был влюблен во Флоренс, и Эстер часто задумывалась, знает ли об этом ее дочь. Возможно, и она любила его. Сол и Фрэнсис Голдштейн, которые жили за углом, отсидели шиву по дочери, когда та вышла замуж за гоя, и Эстер тогда и глазом не моргнула. Считать дочь, которая была жива и здорова – и даже счастлива – мертвой только потому, что она вышла из веры, внезапно показалось ей возмутительным.

– Мы отправимся в Эгг-Харбор завтра в два пополудни.

– Городское кладбище?

– Нет, Бет Кехилла.

Хлопок глушителя проезжавшей мимо машины заставил Эстер подпрыгнуть.

– Один из спасателей рассказал тебе? – спросила она.

– Новости о том, что кто-то утонул у Стейтс-авеню, быстро разошлись.

– Все знают, что это была Флоренс?

– Некоторые спасатели в курсе. А что?

– Мы не хотим, чтобы узнала Фанни, – объяснила Эстер. – После того, что случилось прошлым летом…

– Понимаю, – сказал Стюарт, хотя Эстер не была уверена, что он действительно понимал.

– Ты поможешь?

– Я могу поговорить с парнями, если хотите.

Эстер на мгновение задумалась о его предложении.

– Тебя не затруднит?

* * *

В комнате Гусси горела лампа, а на полу валялась холщовая сумка, которую Эстер с утра взяла на пляж. Рядом лежала сумка Флоренс – красивый плиссированный мешок. Ее содержимое – щетка для волос, полотенце, несколько шпилек – рассыпалось по полу, и Эстер нагнулась все собрать. Когда она все подняла, женщина позволила себе беззвучный стон.

На маленькой кровати спали Анна и Гусси. Постель была узкой, едва достаточной даже для одного. Вместе они поместились на ней только потому, что Анна обняла Гусси и прижала девочку к своей груди. Темно-каштановые волосы Гусси рассыпались по сторонам, а рот приоткрылся. За последний год она вытянулась и растеряла почти весь детский жирок, но во сне она все еще выглядела малышкой.

Эстер подумала было разбудить Анну, чтобы напомнить ей о нормальной кровати, где удобнее спать. Будь Анна Флоренс, она бы потерла ей спину, взяла за руку, потянула и помогла встать на ноги, наслаждаясь сонным моментом, когда взрослая дочь оперлась бы на нее, нуждаясь в помощи. Но Анна не была Флоренс, а Эстер не смогла бы вынести еще одно обсуждение сегодняшних событий. Телефонный звонок Айзеку грозил забрать остатки ее сил.

На веранде было жарко и душно. Одно окно уже открыли, но Эстер распахнула еще два. Было слишком темно, чтобы разглядеть лежащий в двух кварталах пляж, но она слышала, как волны разбиваются о берег. Постоянное движение океана всегда успокаивало ее, особенно в сложные времена, но теперь этот звук довел ее до бешенства. То, что океан забрал у нее что-то настолько дорогое, даже не приостановив свой танец, чтобы признать ее утрату, было жестоко.

Эстер посмотрела на девушку, которая обнимала ее внучку. Ей не нравилось чувствовать себя в долгу перед Анной, но она все же была ей должна. Без каких-

либо указаний Анна собрала все их вещи, увела Гусси с пляжа, привела ее обратно на квартиру и утешала как могла, пока Эстер и Джозеф организовывали прощание с дочерью. Анна продемонстрировала ту рациональность, что Эстер всегда надеялась привить собственным дочерям.

Прошлой осенью, когда Джозеф предложил привезти Анну в Соединенные Штаты, Эстер знала, что не сможет его остановить. Анна была дочерью женщины по имени Инес, вместе с которой, по словам Джозефа, он вырос в Венгрии, но которую он почему-то ни разу не упоминал за двадцать девять лет брака.

Письмо Инес, испещренное немецкими марками, маленькой гранатой прибыло в их дом на Атлантик-авеню в прошлом октябре. Джозеф работал на хлебозаводе, так что Эстер открыла конверт, не в силах сдерживать любопытство до его возвращения. Она была разочарована, потому что не узнала ни почерк отправителя, ни подпись, и даже не смогла прочитать само письмо, написанное на родном Джозефу венгерском.

Когда Джозеф наконец вернулся домой и прочитал письмо от начала до конца, он только кратко пересказал содержимое. Муж Инес был убит на войне, и вместе с дочерью Анной она переехала из разоренных приграничных земель Австро-Венгрии в Вену. Там она встретила Пауля и вышла за него замуж, пока тот еще учился в университете. Когда Пауль получил должность учителя в Берлине, они переехали в Пруссию и в итоге там осели. Но теперь, с восхождением Третьего рейха, благополучие было поставлено под угрозу. Прошлым летом гражданство семьи аннулировали, а еще через несколько месяцев Пауля уволили с должности. Что касается Анны, она не смогла получить места ни в одном из немецких университетов, куда подавала документы, и Инес с Паулем страстно хотели, чтобы она покинула Германию, пока ситуация не стала хуже.

– Что еще она говорит? – спросила Эстер, глядя на три страницы, исписанные мелким почерком.

– Это все, – сказал Джозеф, избегая ее взгляда, и Эстер сразу поняла, что он лжет. Пересказ Джозефа можно было уложить в пять предложений.

За следующие несколько месяцев Джозеф помог Инес определить, какие университеты в Америке могут подойти Анне. В некоторых случаях он сам писал

запросы. Едва Анна подала документы в Педагогический колледж штата Нью-Джерси, Джозеф сел за телефон и обзвонил всех знакомых, у кого могли быть связи с учебным заведением или директором приемной комиссии. Эстер полагала, что у Анны хватало ума, чтобы поступить самостоятельно, но Джозеф заявил, что не хочет полагаться на случай. И когда ее приняли, Джозеф продолжил помогать Инес и Паулю, чтобы собрать все документы, которые могли понадобиться Анне для студенческой визы. Он предложил стать ее спонсором, а когда визу выдали быстрее ожидаемого, пригласил Анну пожить с ними летом.

Эстер убеждала себя быть терпимее и к проживанию совместно с Анной, и к помощи Джозефа Инес и Паулю, которые тоже хотели покинуть Германию. Ситуация там действительно внушала опасения, и Эстер знала несколько семей в Бет Кехилла, которые пытались помочь родственникам – в Германии и других странах – переехать в Штаты.

Но разница состояла в том, напоминала себе Эстер, что Анна не была им родственницей. Она не была даже другом. Когда Эстер и Джозеф взяли ее на благотворительный вечер Еврейского общества помощи больным чахоткой еще в апреле, она не знала, как представить ее. «Это Анна, дочь старой подруги Джозефа». Были ли Инес и Джозеф только друзьями? Каждый раз, когда Эстер пыталась заводить разговор о ней, Джозеф будто ощетинивался.

Гусси закашлялась и повернулась во сне, и Эстер заметила, как Анна меняет позу, чтобы девочке было удобнее.

– Я дома, – громко сказала Эстер, но Анна не ответила. Она медленно дышала, глаза ее были закрыты, а рука – откинута за голову. Что бы только Эстер не отдала за сон такой глубокий, что ее никто не смог бы разбудить.

* * *

Без четверти шесть следующим утром Эстер сидела на стуле возле кабинета управляющей больницей, Нелли МакЛафлин. Эстер однажды была здесь – прошлым летом, когда им надо было решать, что делать с ребенком Фанни, но в такую рань кабинет на первом этаже был закрыт накрепко.

Эстер не слыла сторонницей женщин на руководящих должностях, но во всем Атлантик-Сити едва ли нашелся бы кто-то, кто не считал МакЛафлин талантливой управляющей, достойной своего положения. Она десятилетие возглавляла больничную школу медсестер и сыграла большую – и видимую – роль в недавней кампании по сбору средств на строительство нового крыла.

– Миссис Адлер, – раздался суровый женский голос. Эстер подняла взгляд с колен и обнаружила, что Нелли МакЛафлин, выше и внушительней, чем ей помнилось, смотрит на нее сверху вниз.

– Мисс МакЛафлин, – отозвалась Эстер, поднимаясь на нетвердых ногах.

– Чем я обязана удовольствию видеть вас этим ранним утром? – спросила МакЛафлин, отпирая дверь ключом.

Эстер дождалась, пока та откроет дверь и включит верхний свет, прежде чем последовать за ней через порог.

– У вас есть минутка?

– Определенно, – ответила Мак-Лафлин, укладывая в пустой ящик высокого шкафа для документов сначала сумку, а затем свою шляпу. Она указала на два стула, что стояли напротив скромного металлического стола. – С Фанни все в порядке?

– Речь не о Фанни, – сказала Эстер. – Это ее сес… – Она не могла выдавить из себя это слово. В комнате было слишком жарко. Она дернула воротник платья, попыталась расстегнуть верхнюю пуговицу. Не смогла сделать и этого. «Сес». Как будто, произнеся этот слог, она заново узнала о смерти Флоренс. Эстер согнулась, не в силах дышать. Она слышала, как МакЛафлин спрашивает, все ли с ней в порядке, чувствовала руку на плече. Эстер сделала несколько коротких вдохов, пытаясь наполнить легкие, но воздуха не хватало. Тогда она действительно начала паниковать. Кто-то звал медсестру. МакЛафлин? Она не так хотела провести эту встречу.

– Я в порядке, – попыталась сказать она, пока комната заполнялась людьми. МакЛафлин, медсестра, затем мужчина в белом халате. Она сконцентрировалась на мелких цветочках на собственном платье. Цветы были пастельно-голубые,

желтые и розовые, и все они плясали у нее перед глазами.

– Я рекомендую седативное, – услышала Эстер мужской голос. – Что-то, что успокоит и расслабит ее.

– Миссис Адлер, – сказала МакЛафлин. – Вы слышите меня?

Эстер кивнула, пытаясь выплыть на поверхность собственного сознания. На все это у нее не было времени. Она должна была поговорить с МакЛафлин, должна была спасти Фанни.

– Я в порядке, – прошептала она.

– Вы можете сесть?

Эстер медленно приподняла голову от коленей, оглядела кабинет и, наконец, встретилась глазами с МакЛафлин. Собственное поведение привело ее в ужас.

– Извините.

– Вам не за что извиняться, – сказала МакЛафлин, прислоняясь к краю своего стола. – Скажите мне, что случилось.

Эстер посмотрела на доктора, который стоял в нескольких шагах от двух женщин, затем снова на МакЛафлин. Управляющая кивнула в сторону двери, и доктор покинул комнату.

– Вчера, – начала Эстер. Она не знала, что сказать. Она медленно вдохнула и выдохнула. – Сестра Фанни погибла.

МакЛафлин опустилась на стул рядом с Эстер.

– Мне так жаль.

Эстер начала плакать. Это было так на нее не похоже – но все ее привычки и склонности казались сейчас совершенно оторванными от реальности. Сколько

раз за свою жизнь ей еще придется повторить эту фразу? Сестра Фанни погибла. Моя младшая дочь умерла. Одна из моих дочерей скончалась в молодости. Доживи Эстер до старости, ей все равно придется объяснять отсутствие Флоренс, пытаясь осознать его самой.

– Она утонула на Стейтс-авеню. Вчера днем.

– Нет…

Эстер кивнула, вытирая мокрые щеки ладонями.

МакЛафлин одолжила ей платок.

– Она была хорошей пловчихой, разве не так?

– Невероятной, – подтвердила Эстер.

Они просидели какое-то время, слушая звуки просыпающейся больницы. Открылась и закрылась дверь, вдалеке зазвонил телефон, застучали вверх по лестнице каблуки. Наконец, МакЛафлин заговорила:

– Вы пришли не чтобы просить у меня помощи в сообщении Фанни плохих новостей.

Эстер покачала головой и высморкалась в платок.

– Я ничего не хочу ей рассказывать.

– Боитесь преждевременных родов?

– Думаете, я зря переживаю?

– Вовсе нет. Это серьезный риск. Особенно после прошлого лета. – МакЛафлин встала и обошла стол. Она открыла ящик и достала из него блокнот. – Давайте решим, что делать.

– Я думаю, надо переместить ее в частную палату, – сказала Эстер. – Чтобы можно было следить, кто приходит и уходит. Мы с ее отцом оплатим разницу.

– Сколько людей знают о… Флоренс? – спросила МакЛафлин. Эстер поняла, что она почти сказала что-то другое, была готова произнести менее нейтральное слово, вроде «смерти», но остановила себя. Вера Эстер в МакЛафлин выросла.

– Многие из спасателей. Женщины из Еврейского похоронного общества.

– Никто из больницы?

– Насколько я знаю, нет. Ее принесли в больничную палатку на Вирджиния-авеню. – МакЛафлин записала что-то в блокнот.

– И в газете не было объявления? – спросила она.

Эстер достала утреннюю газету из сумки и передала МакЛафлин. Сэмюель не смог скрыть всю историю, только смягчить удар. На первой странице был заголовок: «ДЕВУШКА УТОНУЛА, КУПАЯСЬ У СТЕЙТС-АВ.»

– Ее называют по имени? – спросила МакЛафлин.

Флоренс описали как местную девушку и умелую пловчиху, но не обозначили имя, слава Богу.

– Нет, – прошептала Эстер, – но внимательный читатель может догадаться.

МакЛафлин пробежалась глазами по статье, затем начала писать. На одном листе она записала имена врачей и сестер, с которыми планировала поделиться этим секретом.

– К счастью, прецепторы выпускаются завтра в полдень. А новые занятия не начнутся до конца лета.

– Прецепторы?

– Студенты, – пояснила МакЛафлин. – Неважно. Просто меньше людей, которых надо будет посвящать.

На другом листе она перечислила меры, которые придется принять сотрудникам больницы, чтобы ограничить связь Фанни с окружающим миром. Ее переведут в частную палату, конечно, но еще уберут радио и будут контролировать посещение комнаты для принятия солнечных ванн, где установили телефон и радио для всех женщин крыла.

– Кто-нибудь может просматривать ее почту? – спросила Эстер.

Это была единственная просьба, в которой МакЛафлин отказала.

– Я бы предпочла и вовсе не доставлять ей почту. Мы можем передавать все полученные письма вам, и вы сами решите, что с ними делать.

К тому моменту, как они закончили обсуждать план, на часах была половина восьмого. МакЛафлин вырвала из блокнота исписанные листы и сложила их сначала вдвое, а затем вчетверо.

– Мне пора начинать обход, иначе кто-нибудь успеет положить свежий выпуск «Атлантик-Сити пресс» на поднос с завтраком Фанни.

Эстер взяла сумку и встала.

– Я зайду навестить ее попозже. После…

МакЛафлин посмотрела на нее с сочувствием.

– Не переживайте. Она в хороших руках.

Эстер знала, что должна поблагодарить МакЛафлин, хотела сделать это, но когда попыталась сказать хоть что-либо, поняла, что у нее нет слов.

* * *

Джозеф вернулся домой за час до похорон.

Он выглядел бледным и изможденным. Его уже поредевшие волосы облепили голову, карие глаза, обычно яркие и сияющие, потускнели до цвета грязи, а темные круги под ними казались въевшимися в кожу навсегда. Эстер обняла его, и они долго стояли без движения, едва дыша.

– Ты в порядке? – наконец спросила она.

– Я не могу, – тихо ответил он, когда она разомкнула руки и пошла в сторону спальни, где уже выложила на кровать свой лучший костюм. Она попыталась проглотить напрашивающуюся резкость, напомнить себе, что каждый страдает по-своему.

Айзек приехал впритык, появившись в квартире всего за несколько минут до ребе. Гусси бросилась в его объятья и отказалась слезать с рук, обнимая за шею все крепче каждый раз, когда он пытался отпустить ее. В другой ситуации Эстер велела бы ей прекратить безобразничать, но сегодня она молча сидела на диване и наблюдала, ощущая, как глаза наполняются слезами от мысли, что Джозеф провел последние восемнадцать часов с дочерью.

Эстер не могла поверить, что Айзек действительно собирался идти на похороны в бежевом спортивном пиджаке. У пиджака не было ни единого изгиба, и на высокой фигуре Айзека он сидел как бумажный пакет. Неужели обстоятельства Фанни и Айзека были настолько стесненными, а зарплата, которую Джозеф платил ему, настолько незначительной, что он даже не смог купить этим утром ничего подходящего? Легкий костюм из серой или синей шерсти в любом случае стал бы полезным приобретением, а Сэм Слотерофф наверняка дал бы ему хорошую скидку.

Несмотря на пиджак, Айзек был очень приятным мужчиной. Каждый мог отметить его высокий лоб, волевой подбородок и неестественно прямые зубы. К тридцати трем Айзек уже начал лысеть, но Эстер была уверена, что даже без волос он останется привлекательным.

Прошлым вечером Эстер трижды звонила на квартиру Фанни и Айзека, прежде чем он поднял трубку. Когда он ответил ближе к полуночи, его голос казался запыхавшимся, и Эстер задумалась мимоходом, не пил ли он. Он сказал, что

спал, и это объясняло бесконечные звонки и одышку, но не его безэмоциональную реакцию на новости о смерти Флоренс. Айзек задал так мало вопросов, потребовал так мало ответов, что Эстер начала сомневаться, слышал ли он ее. Он знал Флоренс с тех пор, как ей было двенадцать. Длительность их дружбы как минимум требовала полноценной реакции.

И только когда Эстер предложила не рассказывать Фанни о смерти сестры, Айзек будто полностью проснулся.

– Что мы скажем ей? – спросил он неровным голосом.

– Ничего. Вернее, все то же, – сказала Эстер. – Что она занята подготовкой к заплыву через Ла-Манш. Что готовится лететь во Францию.

– И сколько мы сможем обманывать ее?

– Флоренс должна улететь десятого июля.

В трубке стояла тишина. Была. Флоренс должна была улететь десятого июля.

– Мне это кажется неправильным, – сказал Айзек. – Не говорить ей. Она захотела бы знать.

– Айзек, – сказала Эстер, еще не умоляя, но уже готовясь начать, – ты же помнишь, как это было.

– Мы не знаем, что вызвало преждевременные роды.

– Ты хочешь рискнуть? И, возможно, потерять еще одного сына? – она разыгрывала почти все свои карты, даже те, которых обещала себе не касаться.

– Вместо этого я должен врать ей два месяца?

– Это не ложь, – слабо возразила Эстер.

– А что насчет Гусси? Она тоже станет сообщницей? Или вы будете держать ее вдали от матери все лето?

– Нет, конечно нет. Она умная девочка. Мы ей объясним.

– А персонал в больнице? Неужели никто еще не дошел до нее с соболезнованиями?

– Немногие знают. И я поговорю с мисс МакЛафлин первым делом завтра утром.

В трубке снова повисла тишина. Эстер слышала дыхание Айзека.

– Айзек, пожалуйста, – взмолилась Эстер. – Я уже достаточно потеряла.

И все же он не сдался.

Эстер не могла больше терпеть. Она разыграла свою последнюю карту.

– Это много будет значить для Джозефа.

Айзек всем своим благосостоянием был обязан Джозефу. Она знала это, Айзек знал это, и Айзек знал, что она знала. Без «Пекарни Адлера» и работы, которую Джозеф предоставил ему на заводе, их зять был бы никем.

– Если я соглашусь, – спросил он, – тогда что потом?

– После рождения ребенка я смогу ей рассказать.

Он не ответил сразу, и она задержала дыхание, думая, что сказала что-то не то.

Наконец он произнес:

– Нет, я расскажу ей сам.

Эстер с трудом сглотнула.

– Так тоже можно.

Только следующим утром, после визита к Нелли МакЛафлин, Эстер почувствовала, что полностью отошла от беседы с Айзеком. Она вернулась домой и прошла по квартире, подготавливая комнаты к шиве. Она закрыла зеркала простынями и вылила воду из чайников, леек и рукомойников. Анна пыталась помочь, расстилая и складывая простыни. Она предложила завесить зеркало над туалетным столиком Флоренс, чтобы Эстер не пришлось заходить в ее комнату.

Прежде чем закрыть зеркало в собственной спальне, Эстер изучила свое отражение. Волосы поседели, еще когда девочки были совсем малышками, но ее это многие годы не волновало. Лицо ее все еще выглядело молодо, и внутри она по-прежнему чувствовала себя той девятнадцатилетней девчонкой, которой хватило храбрости позвать на прогулку Джозефа, приятного молодого официанта в отеле «Чорни». Они с Джозефом поженились и открыли пекарню, девочки родились и выросли, Фанни вышла замуж и родила Гусси, Флоренс поступила в колледж и уехала, и дома снова стало тихо. Как часто Эстер говорила Джозефу: «Поверить не могу, что настолько постарела – моя дочь уже замужем» или «Подумать только – я уже бабушка! Как так вышло?». Теперь, когда она терла ладонями виски, оттягивая припухшую у глаз кожу назад, так туго, как только получалось, она чувствовала каждый год из сорока девяти, что прошли и оставили след на ее лице. Эстер набросила на зеркало простыню, чувствуя отвращение к самой себе. Евреи закрывали зеркала во время шивы, именно чтобы избегать такого мелочного самокопания.

– Мне стоит выложить что-нибудь для сеудат хавраа[10 - Сеудат хавраа – трапеза утешения (ивр.).]? – спросила Анна.

– Не думаю, что это необходимо, – сказала Эстер. – Я сказала ребе Леви, что не хочу никаких объявлений в общине. Никто не будет готовить.

Анна открыла было рот, чтобы что-то сказать, но затем передумала и снова сомкнула губы.

Когда Эстер велела Анне во время похорон присмотреть за Гусси дома, Анна удивила ее, попросив разрешения пойти вместо этого со всеми. Эстер ничего не сказала в ответ, только долго смотрела на нее. Сколько она знала Флоренс –

меньше недели?

– Конечно, я останусь с Гусси, если вы хотите, – сказала Анна, опуская глаза к земле.

– Похороны – не место для детей, – пояснила Эстер.

Ребе Леви прибыл ровно в два, с парой ножниц и катушкой толстой черной ленты. Эстер провела его в гостиную, где он пригласил встать Джозефа, Айзека, Анну и даже Гусси.

– Мы проведем криа перед тем, как отправиться на кладбище.

Никто не возразил.

– В Торе Иаков порвал свое одеяние, когда думал, что сын его Иосиф мертв, – сказал ребе. – Король Давид и его люди сделали то же самое, когда узнали о смерти Саула и Ионафана. Иов, горюя о своих детях, также последовал традиции.

Что Эстер помнила об Иове, так это что его жена сошла с ума от потери детей.

– По традиции дети, родители, супруги, братья и сестры носят рваную одежду во время недели шивы. Поскольку Фанни не может участвовать, будет пристойно, если Айзек понесет эту ношу, – сказал он.

Айзек выглядел обеспокоенным. Эстер знала, что у него только один пиджак.

– Айзек будет постоянно ходить в больницу к Фанни, – сказала Эстер. – Оставьте его пиджак.

– Порежьте мой, – сказал Джозеф, выступая вперед.

Ребе Леви взялся за лацкан пиджака Джозефа и сделал в нем глубокую прорезь, напевая:

– Барух атах Адонай Элохену, мелех ха’олам, дайан ха’эмет. Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, справедливый судья.

С ножницами в руках он перешел к Эстер.

– Не мою одежду, пожалуйста, – тихо сказала она. – Я возьму ленту.

Он осуждающе поджал губы, но достал из кармана маленькую медную булавку. Прикрепляя ленту к ее блузке, он снова пропел благословение.

Эстер чувствовала на себе взгляд Гусси, поэтому не удивилась, когда услышала ее тонкий голосок:

– Можно мне тоже ленту?

* * *

Они отправились маленькой похоронной командой в «Понтиаке» – купе ребе Леви – сам ребе за рулем, Джозеф рядом, а Эстер и Айзек на заднем сиденье.

Эстер редко ездила в Эгг-Харбор. Грузовики Джозефа доставляли хлеб в Плезантвиль, Эгг-Харбор, даже в Кейп-Мей, но Эстер редко выбиралась за пределы Торофейр-Бич.

Когда машина затормозила у Блэк Хорс Пайк, Эстер выглянула из окна. Окруженное болиголовом, общинное кладбище занимало около дюжины акров земли, которую ранние поселенцы освятили еще в те времена, когда остров Абсекон представлял собой всего лишь железнодорожное депо с банями для путешественников из Филадельфии.

У входа были припаркованы две машины, и возле них стоял Эйб с сыном. И Стюарт, с букетом в опущенной руке, словно он купил цветы и сразу об этом пожалел. Настоящий гой – принести цветы на похороны. Она попыталась напомнить себе, что он не мог знать.

Ребе Леви припарковался позади машины Эйба и заглушил мотор. Когда они все вышли, Эйб открыл заднюю дверь своего автомобиля, и Эстер увидела гроб Флоренс. Она прикусила губу и почувствовала вкус крови.

– Вы понесете его? – спросил Эйб мужчин. Они переглянулись и кивнули.

– Не он, – указала Эстер на Стюарта.

Джозеф широко распахнул глаза.

– Что? – спросила она немного удивленным тоном. – Он не еврей.

– Едва ли это сейчас имеет значение, – пробормотал Джозеф, но Стюарт уже сделал большой шаг назад и поднял руки, будто говоря: «Нет, конечно нет».

Ни Джозеф, ни ребе Леви не были молоды, и через несколько минут, глядя на то, как они спотыкаются под тяжестью гроба Флоренс, Эстер подумала, что зря отказала Стюарту. На месте мужчины опустили гроб на ремни, которые Эйб натянул поперек раскопанной могилы.

Ребе Леви достал платок из нагрудного кармана и вытер лоб.

– С вашего разрешения, мы начнем, – сказал он Джозефу, который взглянул на Эстер в поиске поддержки. Она обошла гроб, чтобы встать рядом с мужем, взяла его руку и кивнула ребе Леви, который начал читать знакомый псалом.

– Живущий под кровом Всевышнего, под сенью Всемогущего покоится.

По кладбищу были рассыпаны могильные плиты младенцев – небольшие каменные квадраты со словом «РЕБЕНОК». Ни имен, ни дат. Чаще всего на них возлежали маленькие ягнята, вырезанные из того же камня. Наверное, они должны были символизировать невинность, но Эстер подумалось, что они могут составлять компанию детям, которые так и не научились спать в одиночку.

Она кинула взгляд на Айзека, стоявшего по другую сторону гроба Флоренс. Заметил ли он плиты? Задумался ли о ребенке, которого потерял? Фанни умоляла устроить похороны для сына, жаждала места, где сможет скорбеть, но

Эстер и Джозеф раз за разом говорили ей, что сделать это невозможно. Мальчик прожил всего три недели, а законы говорили о тридцати днях. В тридцать дней по еврейским правилам он мог считаться человеком, по которому можно было бы проводить если не все, то многие ритуалы скорби, включая захоронение на еврейском кладбище и установку маленького памятника.

Эстер не знала, где похоронили ребенка, и похоронили ли его вообще. Фанни умоляла ее узнать о судьбе младенца, но Эстер считала, что Фанни не нужно место для страданий. Ей нужен был другой ребенок, чтобы быстрее забыть о происшедшем. Айзек ведь думал так же?

Когда отзвучал Эль Малеи Рахамим, ребе Леви снова обернулся к Джозефу:

– Вы подготовили хеспед[11 - Хеспед – поминальная речь в честь умершего (ивр.).]?

Джозеф начал было отвечать, но не смог вымолвить ни звука. Попытался снова.

В этот раз он смог выдавить только:

– Моя дочь была… – прежде чем его голос угас. Эстер чувствовала, как его ладонь дрожит в ее. Она обеими руками схватилась за нее и крепко сжала.

– Попробуй снова, – прошептала она.

Он задохнулся.

– Я не могу.

Ребе Леви предложил ей продолжить вместо мужа.

– Эстер, вам есть что сказать?

– Я не готова, – произнесла она и замолкла. Что можно было сказать? Каких слов было бы достаточно?

– Я могу сказать что-нибудь, – отозвался Стюарт, выступая вперед. – Если это будет, – он с опаской взглянул на Эстер, – пристойно.

Шокированная его бестактностью, Эстер не возразила, что и ребе Леви, и Стюарт посчитали за согласие.

Стюарт кашлянул, затем прочистил горло.

– Я, мм, думал, что Флоренс была потрясающей девушкой. Мы, мм, все так думали. – Его руки дрожали, и Эстер передернуло, когда он сложил предплечья на животе, а затем засунул ладони в карманы.

– Она была красивой и умной, и такой веселой, что от ее шуток лопнуть можно было. Но что мне всегда особенно нравилось…

– Достаточно, – прервала Эстер. Все мужчины обернулись к ней, шок на каждом из пяти лиц. – Я не могу это слушать.

Джозеф отпустил ее руку.

– Хотите, чтобы я продолжил? – спросил ребе.

– Здесь совершенно нечего сказать. – Эстер посмотрела Стюарту в глаза. Его лицо полыхало. – Прости. Все, что ты сказал, конечно, правда. – И она начала рыдать.

Вскоре Эйб и сын повернули лебедку и неровно опустили гроб на ремнях в землю. Ребе Леви взял ближайшую лопату, подошел к изножью могилы, где лежала горка рыхлой земли, и начал квура[12 - Квура – захоронение (ивр.).]. Горсть земли упала на гроб Флоренс с пугающим грохотом. Он передал лопату Айзеку, который из уважения к Джозефу отказался бросать на гроб землю вперед него. В руках Джозефа лопата выглядела такой тяжелой, что могла бы опрокинуть его. Эстер не заметила, как ее муж тоже постарел. Слезы лились из его глаз, когда он бросал землю в бездну – и снова, и снова. Наконец, на его лбу выступил пот, и он передал лопату ей. Эстер вытерла глаза и погладила деревянную ручку, нагретую руками Джозефа и отполированную годами использования. Металлический совок вонзился в почву. Эстер всегда

задумывалась, как матери хоронят детей. Теперь она знала. Одной горстью грязи за другой.

Фанни

Фанни даже не заметила, что задремала, пока не почувствовала теплое прикосновение губ ко лбу и не открыла глаза, чтобы увидеть сидящую на краю ее больничной кровати мать.

– Давно ты здесь? – спросила Фанни, стряхивая сонный туман.

– Не очень.

– Надо было разбудить меня.

– Не думаю, – сказала Эстер.

– Я чувствую себя жуткой лентяйкой за то, что сплю средь бела дня. – Она зевнула. – Как Гусси?

– С ней все хорошо, – ответила Эстер, вставая и подходя к окну. – Конечно, она скучает по матери.

Фанни в этом сомневалась. У Гусси была Флоренс, с которой было гораздо веселее. Три дня назад, когда Флоренс привела Гусси, сманить ее с колен сестры казалось невозможным.

– Как тебе новая комната? Разве тут не мило? – спросила Фанни, широким жестом обводя новое окружение. Ей нравились выходящие на юг окна в обрамлении очаровательных цветочных штор. Мебель была такая же, как и в старой палате, разве что здесь и кровать, и туалетный столик были выкрашены в шоколадно-коричневый. – За это надо благодарить отца?

– Ну да, – сказала Эстер. – Женщины так и ходили туда-сюда по той палате, и мы представить не могли, как там можно отдохнуть. Да и часы посещения были ужасные.

– Какое папе дело до часов посещения? Он не приходит.

Эстер одарила Фанни нарочито сердитым взглядом.

– Понадобится что-то посерьезнее удобных часов посещения, чтобы затащить твоего отца в больницу.

– Ну, с его стороны это крайне любезно. Когда я проснулась сегодня, и Дороти сказала, что меня переводят в частную палату, я поверить не могла. Я, должно быть, раза три ее переспросила, чтобы проверить, не спутала ли она меня с кем-то.

– Дороти? – спросила Эстер, отворачиваясь от окна и снова обращая взгляд к Фанни.

– Геллер. Она медсестра в акушерском отделении. Та еще сплетница. Коротышка и толстушка с гнусавым голосом. Она училась в школе вместе с Флоренс и никак не может перестать об этом болтать.

– Осторожнее – или она услышит.

– Мне плевать. Ты бы слышала, как она кудахтала над Флоренс пару дней назад, – сказала Фанни. Она изобразила Дороти: «Вот это финт, Флоренс! Сплавать вокруг целого острова! Чем же ты займешься теперь?»

– Она действительно так разговаривает?

– Да. И Флоренс не могла наслушаться.

Мать посмотрела в окно. Она вообще слушала Фанни?

– Чем Флоренс сегодня занята? Почему не пришла с тобой? – спросила Фанни, прекрасно понимая, что поддразнивает сестру. Флоренс умела дуться не хуже

сестры, и Фанни знала, что она не придет навестить ее так скоро после ссоры. Девушке было интересно, что Флоренс рассказала матери о своем последнем визите – и сказала ли что-то вообще. Эстер знала, что они поругались?

Эстер кашлянула.

– Она отправилась плавать. Со Стюартом.

– Она только и знает, что плавать.

Эстер подошла к туалетному столику и, стоя спиной к Фанни, начала перекладывать щетки для волос и крем для лица, пока порядок ее не устроил. Флоренс наверняка рассказала свою версию истории Эстер, может, даже привлекла мать на свою сторону. Это было очевидно. Мать Фанни едва могла встретиться с ней глазами.

– Я просто предложила, чтобы она отложила поездку, а не отменила ее. Я думала, она хотела бы быть рядом.

– Конечно, хотела. Хочет.

Эстер начала заново складывать уже сложенную простыню в изножье кровати, расправляя уголки и заломы. Иногда находиться рядом с матерью было тяжело. Эстер всегда чем-то занималась, всегда двигалась. И ее дом на Атлантик-авеню, и квартира над пекарней всегда безукоризненно прибраны. Она была талантливой поварихой и заслуженной портнихой, слишком разборчивой, чтобы нанять помощь, даже когда они с Джозефом могли это себе позволить. Фанни не могла утверждать, что когда-либо видела ее расслабляющейся с журналом в руках.

Даже в лучшие дни Фанни не могла сделать и половины того, что успевала мать. Фанни подавала Айзеку и Гусси пережаренное мясо и разваренные овощи и едва справлялась с пылью – что уж говорить о стирке. По вечерам, когда Айзек спрашивал, как она провела день, Фанни хотела бы перечислить целый список дел и домашних достижений, но, по правде, случались времена, когда она вовсе не вставала с дивана. Фанни так часто чувствовала себя заваленной – она даже не знала, чем, – что начинала задумываться, осталась ли у нее связь с той девчонкой, которой она была до свадьбы.

– Получается, Флоренс не хочет иметь ничего общего со мной – или ребенком, – сказала Фанни Эстер.

– Не говори глупостей.

– Ну, я не понимаю, зачем ей лететь во Францию в июле, когда мне рожать в августе.

– Твоя сестра любит тебя. Она обожает Гусси, – сказала мать и после паузы добавила: – И этого ребенка будет обожать.

Фанни даже не собиралась, но начала плакать. Она теперь так часто заходилась слезами, что иной раз тяжело было понять почему.

– Фанни, дорогая.

– Не знаю, что на меня нашло. Думаю, это оттого, что я заперта в больнице. Все веселье проходит мимо меня, – сказала она, указывая на окно и мир за ним.

Эстер обошла кровать, тяжело опустилась на нее и обняла Фанни. Она тихо прошептала в волосы дочери:

– Ты не пропускаешь ничего срочного.

* * *

Эстер ушла из больницы, когда солнце уже начало садиться.

Из окна Фанни было видно, как к ужину местные расходятся с пляжа по домам. Через несколько часов Набережная наполнится отдыхающими. Фанни глубоко вздохнула, зная, что до следующего обеда, а то и позже, она не увидит ни Айзека, ни кого-либо другого.

С одной стороны, в больнице было приятно отдохнуть от домашних дел. Фанни больше двух недель не готовила, не убиралась и не ходила за покупками. Она

прочитала три книги, за которые собиралась взяться еще с прошлого лета.

С другой стороны, Фанни не чувствовала себя хозяйкой собственной жизни. Больничный персонал тыкал ее без разрешения и извинений, она ела то, что ей приносили на подносе, а семью и друзей видела, лишь когда они снисходили навестить ее. Кроме этого, оставалось и самое большое ее опасение – жизнь в больнице ничем не предохранит ее от ранних родов.

Фанни пробежалась пальцами по животу. Она чувствовала себя бессильной, но одно она могла сделать. Могла решить вопрос с Флоренс.

Отношения Фанни с сестрой никогда не были гладкими, ведь их разделяли семь лет. Она всегда старалась стать хорошей старшей сестрой, но иногда казалось, по крайней мере, Фанни так думала, что у нее и Флоренс были совершенно раздельные детства. К тому времени, как Флоренс пошла в среднюю школу, Фанни ее уже окончила. Когда Флоренс билась за кубок показательного заплыва, Фанни уже перестала участвовать в соревнованиях по плаванию. И когда Флоренс с головой бросилась в Уэллсли, Фанни казалось, что от сестры она находится гораздо дальше, чем в трехстах милях. Она представляла, какими скучными видятся Флоренс детали ее жизни, описываемые во все более редких письмах.

Дело было не только в разнице в возрасте. Случайный порядок рождения определил им совершенно разных родителей. В 1907-м, когда родилась Фанни, Джозеф и Эстер только пытались запустить «Пекарню Адлера». Джозеф дневал и ночевал в магазине, и поскольку он едва мог оплачивать собственный труд, не то что наемных сотрудников, Эстер часто стояла за кассой. Свои ранние годы Фанни провела на кухне пекарни, стараясь держаться подальше от горячих кастрюль и спешащих ног. Когда Джозеф начал нанимать пекарей и их помощников, одной из их неофициальных обязанностей стало развлечение его единственного ребенка. Они выдавали Фанни маленький кусочек теста и скалку и ставили к работе.

Когда Флоренс увидела свет в 1914-м, дела шли совсем по-другому. Эстер была безмерно рада ее появлению – она уже давно потеряла веру, что сможет зачать еще одного ребенка. Дела в пекарне шли хорошо, и за исключением года, что Джозеф провел с Союзниками на Восточном фронте, он поощрял Эстер больше времени проводить дома, наслаждаясь младенчеством дочери. Фанни прибегала из школы домой, где Эстер кормила бананом сидящую на высоком стульчике

Флоренс или укачивала ее. Когда могла, она присоединялась к матери, дивясь пухлым ножкам сестры или позволяя ей жевать свои маленькие пальчики. Даже сейчас, в двадцать, Флоренс оставалась для всех ребенком. И если мать уже приняла сторону Флоренс, Фанни знала, что не сможет ее переубедить. Нет, лучше было решить вопрос напрямую с Флоренс.

Фанни отбросила одеяло и выбралась из кровати. На мгновение она почувствовала головокружение – сколько часов назад она вставала и двигалась? Она оперлась рукой о матрас, чтобы восстановить равновесие. Когда комната перестала кружиться, она медленно направилась к туалетному столику, где Дороти этим утром разложила ее вещи. Она нашла бумагу и перьевую ручку в верхнем ящике и вернулась к кровати.

Фанни несколько минут жевала колпачок ручки, прежде чем начать.

«Дорогая Флосси!

Кажется странным писать тебе письмо, когда ты не в колледже, а уже вернулась в Атлантик-Сити. Я хотела было пройти в приемный покой и попросить воспользоваться телефоном, но не уверена, что смогу правильно выразить мысли.

То, что ты хочешь переплыть Ла-Манш, а я хочу родить здорового ребенка – не одно и то же, и мне было чудовищно больно, когда ты сравнила эти вещи. Я понимаю, что каждая из нас очень хочет добиться своего, но ты должна понять, что если провалишься, то просто сядешь на корабль и вернешься домой. Если провалюсь я, у меня в руках окажется еще один мертвый младенец».

Фанни мысленно вернулась к их ссоре. Она практически потребовала, как обиженное дитя, чтобы Флоренс осталась дома, пока ребенок не родится, а когда это не сработало, она совершила ошибку, напомнив Флоренс, что вот она к двадцати годам уже была замужней женщиной – чьей-то женой.

– И посмотри-ка на великолепный результат, – сказала Флоренс резким голосом. – Твой брак – не то чтобы звучная похвала этому институту.

Ручка Фанни замерла над страницей. Стоит ли ей попытаться защитить свой брак? Семья Фанни так и не потеплела к Айзеку, даже когда в первое время он изо всех сил пытался впечатлить ее родителей и сестру. Фанни взвесила слова и решила, что Айзека лучше было и вовсе не упоминать.

«Если ты хочешь переплыть Ла-Манш, то этого для тебя хочу и я. Мне жаль, что я не была более великодушной, когда ты пришла ко мне. Можешь наказать меня, если хочешь, но, пожалуйста, не игнорируй меня слишком долго. Быть запертой в больнице – все равно что застрять в другом мире. Из окна мне виден океан, но я не могу слышать его или чувствовать соленый запах.

Твоя любящая сестра,

Фанни»

Закончив письмо, Фанни дважды перечитала его, затем сложила страницы и засунула в конверт. Не успела она закончить, как с ужином на подносе зашла Дороти, поэтому она быстро подписала письмо – Флоренс Адлер, Северо-восточный угол Атлантик и Вирджиния-авеню, Атлантик-Сити.

– Дороти, ты не могла бы помочь мне найти марку?

* * *

В половине одиннадцатого Фанни перестала ждать Дороти. Медсестры дневной смены заканчивали работу в семь, и она наверняка уже ушла домой. Скорее всего просьбу Фанни она выбросила из головы, едва выйдя из палаты.

Фанни не спала, а поиски марки стали причиной не хуже других, чтобы немного пройтись. Когда она вставала с кровати, медсестры цокали языками, так что она старалась делать это пореже. Но время от времени разминать ноги было приятно. Фанни взяла тапочки и халат и вышла из комнаты в холл. Она решила зайти в сестринскую, спросить про марку и, возможно, взять газету, если ее уже дочитали.

В акушерском крыле было темно и тихо, за исключением нечастых детских вскрикиваний. Свет виднелся только в конце коридора, где друг напротив друга находились детская и сестринская комнаты.

Сегодня из сестринской доносились тихие голоса. Стоило ли прерывать их ради такой мелочи, как марка? Фанни не хотелось вторгаться в занимавший женщин разговор о важных больничных делах. Она начала было разворачиваться, чтобы вернуться в палату, когда услышала голос одной из сестер:

– Это одна из самых трагичных вещей, что я когда-либо слышала. – Фанни замерла на месте и вслушалась. – Вы можете себе представить, что вам бы пришлось ей рассказать?

Пятерняшки. Фанни поспешила к двери сестринской и заглянула внутрь.

– Есть новости? – в панике спросила она. Три сестры с сигаретами сидели вместе на велюровом диване. Фанни знала двоих – Бетти и Мэри, – а третью видела несколько раз в коридоре, когда та спешила куда-то по важным, как казалось Фанни, делам. Возможно, она работала в родильном зале или в операционной. Все три женщины вскинули на нее испуганные глаза. Бетти положила сигарету на край общей для всех пепельницы и вскочила, чтобы взять Фанни за руку.

– Ты в порядке? Почему ты не в постели?

Фанни заметила, что всегда занятая медсестра кончиками пальцев протерла уголки глаз.

– Я хотела одолжить марку. Есть ли какие-то новости…

Три женщины встревоженно переглянулись.

– …о детках Дион?

Прямо на ее глазах лица женщин поменялись.

– Да! Да! – воскликнула Мэри. – Все дети живы! Это чудо!

Бетти подвела ее к ротанговому стулу напротив дивана.

– Садись, – сказала она, отодвигая с края туалетного столика стопку журналов, «Атлантик-Сити пресс» и пепельницу. – Положи ноги на стол.

– Сигаретку? – спросила деловая сестра, предлагая пачку «Честерфилд».

– Да, пожалуйста, – согласилась Фанни, протягивая руку.

Мэри передала ей зажигалку. Фанни не курила уже дольше двух недель, и сколько до этого? Может, с вечеринки Ньюманов? Она глубоко затянулась. Сигарета символизировала что-то, что придавало вечеру праздничную атмосферу, будто женщины напротив Фанни были ее подругами, а не сотрудницами больницы, которым платили, чтобы они меняли ей простыни и приносили еду.

– Какие последние новости о пятерняшках? – спросила Фанни, поглядывая на газету.

Мэри развернула ее на нужной странице и передала Фанни. Там, на верху двадцать первой страницы, сиял заголовок: «ДВОЕ ИЗ ПЯТЕРНЯШЕК ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ ХУЖЕ». Газета посвятила почти две полосы пятерым девочкам-близнецам, родившимся чуть больше недели назад в канадском Онтарио.

Фанни не могла выбросить из головы эту историю. По словам газеты, за всю историю человечества было только тридцать случаев рождения пятерняшек. И ни одного, когда выжили бы все дети. То, что эти малютки продержались уже больше недели, было чудом.

– Эдит говорит, что Мари, кажется, становится хуже, – сказала Бетти.

Фанни отметила про себя, что Эдит – это имя вечно занятой медсестры. Затем она спросила:

– Мари – это самая маленькая?

– Да, – сказала Эдит.

– Мне так нравятся все их имена – а вам? – спросила Мэри.

Бетти согласно кивнула.

– Такие французские.

Фанни быстро пробежалась глазами по статье.

– Не похоже, чтобы доктор был полон оптимизма.

Женщины поцокали языками, и Фанни встревоженно нахмурилась. По правде сказать, в глубине души – в самой-самой глубине – она подсознательно надеялась, что с пятерняшками что-то пойдет не так. То, что одна женщина, у которой уже было пятеро детей, может родить не одного, а пятерых младенцев сразу, и что они все выживут, вызывало у нее жуткую зависть.

Дети Дион провели первые пять дней своей жизни в корзине с простынями и грелками, возле печки. Их кормили смесью грудного молока, кукурузного сиропа, воды и рома, а когда к пятому дню они все еще дышали, их переместили в подаренный инкубатор, похожий на тот, в котором Хирам провел последние дни своей жизни.

Фанни, конечно, была не первой матерью, потерявшей ребенка. Она знала это. Спроси ее – и она смогла бы назвать с полдюжины женщин, лишившихся детей при рождении или вскоре после. Милдред Гринберг, чей муж развозил выпечку Адлеров, и Элис Коэн, которая играла в бридж с Рэйчел Штерн. Этил Кауфман и Глэдис Ривкин. Все они каждый день одевались, готовили и убирались, и в итоге обзавелись другими детьми. Фанни столкнулась с Глэдис в вестибюле Театра Уорнера в ту ночь, когда они с Айзеком пошли в кино на «Я не ангел». Фанни не могла себя заставить сосредоточиться на кино, так много времени она провела, разглядывая затылок Глэдис и думая, как ей удается смеяться.

– Я все говорю доктору Розенталю, что нам в отделении нужна парочка таких новых инкубаторов, – сказала Эдит.

Бетти кинула на нее взгляд, но Эдит не обратила внимания.

– Просто смешно, что аттракцион на Набережной успешнее спасает детей, чем современная больница.

– Ребенок Фанни некоторое время провел на выставке инкубаторов Кони прошлым летом, – сказала Бетти. – Так ведь, Фанни?

Фанни кивнула, возможно, слишком энергично.

– Мы перевели его из больницы в Кони, потому что надеялись, что это даст ему больше шансов.

Эдит наклонилась к ней.

– Дало?

– Нет…

Эдит казалась разочарованной – не столько тем, что Фанни потеряла ребенка, но что результат подкосил ее аргументацию, будто за инкубаторами было будущее медицины. Она тяжело села на диван, откинула голову на спинку, сделала глубокую затяжку и выпустила дым в потолок.

В комнате напротив начал плакать ребенок.

– Я займусь, – сказала Бетти, туша сигарету в пепельнице. – Фанни, хочешь присоединиться ко мне или вернешься в кровать?

– Я? – спросила Фанни, неуверенная, правильно ли расслышала Бетти.

– Да, ты. Хочешь пойти со мной кормить ребенка?

– С удовольствием, – сказала она, убирая газету и растирая сигарету в теперь заполненной пепельнице. Марка могла и подождать. Она встала, пожелала спокойной ночи Мэри и Эдит и последовала за Бетти через зал, где в яслях вдоль стен выстроилось больше дюжины колыбелек. Примерно половина из них была занята новорожденными детьми. В дальнем углу, у окна, один младенец высвободил ручки из пеленок и с раскрасневшимся лицом пронзительно кричал

в потолок.

– У этого легкие что надо, – сказала Бетти, подготавливая бутылочку.

– Можно мне? – спросила Фанни, прежде чем достать его из колыбельки.

– О, конечно.

Ребенок был крупным и круглым, тяжелым в ее руках – совсем не так как Хирам, но довольно похоже на Гусси, если ее не обманывала память. Гусси при рождении была длиннее и более худой, но с щечками, похожими на сливы. Фанни перехватила ребенка повыше, прижала к груди над изгибом живота и подошла к креслу-качалке, куда осторожно села.

– Ты его не сломаешь. Он крепкий, – сказала Бетти, передавая Фанни бутылочку.

Фанни поднесла маленький резиновый сосочек ко рту ребенка, и он тут же схватил его, высасывая молочную смесь с поражающей яростью. Прошлым летом она три недели ежедневно молилась, чтобы ее собственный сын проглотил капли смеси, которые попадали ему на язык из пипетки.

Фанни впервые держала на руках ребенка с тех пор, как умер Хирам. Прошлой осенью она сделала все, чтобы избегать друзей с маленькими детьми, – пропустила праздник в честь родов Эллен Перлман и празднование Хануки в общине. И даже когда узнала, что снова беременна, она попросила Анну отвести Гусси на Детский парад. Видеть детей в колясках, вагончиках и тележках было слишком тяжело. Выживи Хирам – и он мог бы быть среди них, в своем лучшем клетчатом комбинезоне, с печеньем или даже брецелем в зубах, наслаждаясь видом Атлантик-Сити во всем его блистательном великолепии.

Ребенок на руках у Фанни лениво открыл глаза, взглянул на нее и снова закрыл их.

– Он выглядит таким здоровым, – сказала она скорее себе, чем Бетти.

Бетти мгновение смотрела на нее, прежде чем заявить:

– Нет причин думать, что твой не будет.

* * *

Айзек часто навещал Фанни в первую неделю ее сохранения, но в последнее время его визиты стали более редкими.

Фанни знала, что он занят в пекарне и с Гусси, но больница располагалась недалеко от их квартиры, так что она неуютно чувствовала себя в те дни, когда он не заходил.

– Где же вы прятались, мистер Фельдман? – спросила она, когда он легонько постучал в дверь следующим утром.

– То тут, то там, – ответил он, подтаскивая табурет к ее кровати.

Часы посещения начинались только в девять.

– Как ты прошел мимо сестер? – спросила Фанни, когда он поцеловал ее в лоб. Она попыталась вдохнуть его запах.

Айзек не объяснил, просто подмигнул и сел на стул, положив ногу на ногу. Он был очень привлекательным мужчиной, и Фанни не сомневалась в его успехе у медсестер.

– Как тебе? – спросила она, жестом обводя окружающие их стены.

– Хорошая палата.

– Папа рассказывал тебе, что собирается это сделать? Я боюсь, что это недешево обошлось.

– Не сомневаюсь. Но твой отец может себе это позволить.

Фанни от этого заявления передернуло. Иной раз, когда Айзек заговаривал о деньгах, она чувствовала, как краснеет шея. Отец никогда в открытую не

обсуждал финансы, но Айзек не уставал напоминать ей, что только обеспеченные люди могли себе позволить о них молчать.

У нас есть деньги, хотела возразить Фанни. Но она знала, что одержимость Айзека крылась не столько в зарплате, которую ему платил ее отец, сколько в обстоятельствах, в которых он находился. Слишком часто денег у него недоставало прежде.

Когда Айзек начал приглашать Фанни на свидания, у него и гроша за душой не было. Он любил обещать ей, что, когда встанет на ноги, они будут ужинать стейком в Ритце, ну а пока она часто возвращалась домой настолько голодной, что приходилось идти прямиком на кухню и делать себе сэндвич. Она пыталась убеждать Айзека, что ей нужны не шикарные ужины, а счастье быть вместе, но со временем его обещания только росли. Теперь он говорил, что хочет иметь возможность купить им машину, небольшой дом в Вентноре или Маргейте, обзавестись влиянием в синагоге.

Иногда Фанни задумывалась – возможно, работа у ее отца стала для Айзека не такой уж хорошей идеей. Когда Айзек начал развозить хлеб, она знала, что он считал эту работу временной позицией, где он сможет перевести дыхание, пока планирует следующий шаг. Но в 1928-м, через два года после свадьбы и год после рождения Гусси, Джозеф открыл завод на Медитрэйнен-авеню и перестал печь хлеб в пекарне позади магазинчика на Атлантик. За год «Адлер» в десять раз увеличил производство, и Джозеф приобрел еще несколько грузовиков, чтобы доставлять хлеб по всему югу штата Нью-Джерси.

Впервые на памяти Фанни у ее родителей действительно появилось достаточно денег. Расширение пошло на пользу и Айзеку с Фанни. Айзека повысили – теперь он надзирал над всеми грузовиками из собственного кабинета с телефоном. Выросла и плата.

Но работа сделала Айзека еще больше обязанным Джозефу, и, по мнению Фанни, дала ему слишком много знаний о финансовых делах ее отца. Дом родителей на Атлантик-авеню, оплата за Уэллсли, и особенно поддержка отцом заплыва Флоренс через Ла-Манш вызывали у Айзека возмущение, казавшееся ей необоснованным.

Айзек все так же страстно мечтал выбраться из-под каблука Джозефа, и он начал откладывать деньги, чтобы в один прекрасный день открыть свое дело. Фанни считала план довольно близоруким – почему он не понимал, что отец однажды отойдет от дел, а Айзек, если будет работать усердно и терпеливо, встанет во главе? В худшем случае обязанность по управлению «Пекарней Адлера» придется разделить с тем, за кого выйдет Флоренс. В дни, когда Айзек возвращался с завода в хорошем настроении, Фанни предлагала использовать отложенные деньги на первоначальный взнос за дом.

Когда обрушился рынок ценных бумаг в 1929-м, Айзек начал задерживаться на работе. Когда он приходил домой, то рано отправлялся в постель, едва обращая внимание на Фанни или Гусси. Это продолжалось неделями, пока однажды Фанни не растолкала его.

– Хватит. Ты должен рассказать мне, что происходит.

Айзек растерянно потер глаза.

– Я потерял все деньги.

Фанни почувствовала, как с души падает камень. И это все?

– Айзек, и сколько там было? Двести пятьдесят долларов? – сказала Фанни. – Мы их снова накопим.

– Я купил ценные бумаги на марже.

– Что это значит?

– Я отдал наши деньги в залог, и банк одолжил мне в десять раз больше.

– Я не понимаю.

– Банк одалживает нам деньги, и когда рынок растет, мы их возвращаем.

– А что происходит, когда рынок падает?

Айзек ничего не ответил.

– Айзек?

– Банк отзывает маржу. У меня есть две недели, чтобы вернуть им все деньги.

Фанни понадобилось несколько долгих секунд, чтобы взять себя в руки. Она едва могла представить, что у нее когда-либо оказались в руках две с половиной тысячи долларов, нечего и говорить о том, чтобы достать их где-то за полмесяца.

– И что мы будем делать? – спросила она наконец.

Айзеку не надо было объяснять, что единственным выходом было отправиться к ее отцу и надеяться на отсутствие у него похожих финансовых затруднений. Чтобы купить участок на Медитрэйнен-авеню и открыть завод, нужно было много денег, и Фанни молилась, чтобы деньги ее отца вкладывались в кирпич и цемент «Пекарни Адлера», а не в Нью-Йоркскую биржу. Фанни предложила поговорить с ним, но Айзек и слышать об этом не хотел. Финансовые рынки и их последствия женщин не касались.

Ему понадобилось несколько дней, чтобы собраться с духом, но когда он поговорил с Джозефом, то почувствовал облегчение. Найти деньги будет нелегко, сказал Джозеф, но он сможет. Они договорились о займе – беспроцентном, на десять лет.

– Как он выглядел? – спросила Фанни Айзека, когда он объяснил условия.

– Что ты имеешь в виду? Он выглядел, словно собирается одолжить нам денег.

– Он был удивлен? – сказала она, но на самом деле хотела узнать, был ли он разочарован.

Когда обрушились банки, туристы остались сидеть по домам, и на глазах у Фанни и Айзека многие надежные предприятия Атлантик-Сити начали закрывать свои двери. И Айзек будто в одну ночь перестал мечтать. Он больше не приходил с завода со смутными идеями собственного бизнеса и набросками витрин на

оборотах старых счетов. Он перестал говорить о доме, который они купят, он стал тише и безразличней. Он меньше смеялся над шутками Фанни и чаще срывался на Гусси. Вместо того, чтобы радовать и впечатлять родителей Фанни, как раньше, он теперь их избегал, отказываясь от ужинов на шаббат и воскресных прогулок на пляже. Но самым заметным для Фанни изменением стало полное нежелание заводить второго ребенка.

Два месяца после кризиса Айзек не касался Фанни. Когда он все же вернулся к ней холодной январской ночью, от облегчения она едва не заплакала. Ветер с океана бился в окно их спальни, и батареи, из которых недавно выпустили воздух, скрипели от груза ответственности. Фанни чувствовала, как внутри нарастает знакомое напряжение, как будто бы и у нее был рычажок, который стоило подкрутить. Она прошептала в ухо Айзеку:

– Продолжай, – но едва только слова покинули ее, как он отстранился, выплескивая теплую лужицу на ее бледный живот.

– Зачем ты это сделал? – спросила Фанни, хоть и знала ответ.

– Я не хочу заводить еще одного ребенка в таких обстоятельствах.

На глаза навернулись слезы, но их скрыла темнота.

– А в каких захочешь?

– Я не знаю, Фанни, – ответил он со вздохом. – Не в таких.

Из всех знакомых Фанни мужчин, которых так или иначе затронул кризис, Айзек со своей работой на хлебозаводе был в наибольшей безопасности. В тяжелые времена их друзья и соседи могли отказаться от новых туфель и шляп, но вряд ли доходило до того, что они не могли позволить себе купить хлеб. Она догадывалась, что дела могут повернуться к худшему, но Фанни была уверена, что во всех обстоятельствах, кроме самых суровых, отец сможет защитить Айзека. Он уволит сколько угодно пекарей и упаковщиков, прежде чем выгнать с работы собственного зятя. Может, Айзек и не зарабатывал состояние, но бедность им не грозила.

Прошло три года, прежде чем Айзек перестал отстраняться от нее. В первый раз Фанни подумала, что он просто ошибся. Но это повторилось две ночи спустя, а затем еще раз через неделю. Она ничего не сказала, опасаясь, что он опомнится, но начала надеяться, ждать тех моментов, когда его мускулы напрягутся, а дыхание начнет прерываться. Как в первые дни вместе, она обвивала его ногами и прогибалась в спине, позволяя телу прижиматься к мужу, пока он не вздрогнет. В темноте, ожидая, когда его дыхание вернется в норму и усыпит и ее, она пыталась убедить себя, что Айзек перевернул новую страницу, что его уступка являлась выражением уверенности. Но в глубине души она знала, что скорее всего Айзек просто сдался.

* * *

– Единственное, что мне в этой палате непонятно, – сказала Фанни Айзеку, – так это где здесь радио.

Айзек рассеянно оглядел комнату.

– Почему ты считаешь, что тебе оно положено?

– У других женщин вниз по коридору оно есть. По ночам его слышно.

Айзек ущипнул себя за переносицу, как будто не мог до конца поверить услышанному.

– Думаешь, я слишком много хочу? Конечно, с радио приятнее…

– Тук-тук, – раздался голос из-за двери. Фанни села прямо, когда увидела, что это администратор МакЛафлин совершает утренний обход.

– О, так у тебя компания, – сказала она и посмотрела на часы. – Мистер Фельдман, вы должны помнить, что часы посещения начинаются в девять. Сейчас только половина восьмого.

– Так рано? – спросил он с сардонической усмешкой, но МакЛафлин это не развеселило.

Фанни не знала, стоит ли спрашивать о радио, и надеялась, что Айзек это сделает вместо нее. МакЛафлин ее немного пугала, еще с прошлого лета.

МакЛафлин начала читать больничную карту Фанни, и она воспользовалась возможностью, чтобы беззвучно прошептать Айзеку «радио». Он сделал вид, как будто не понял, о чем она, и Фанни сердито закатила глаза.

– Давление выглядит неплохо. Немного повышенное, но не настолько, чтобы начать беспокоиться. Доктор Розенталь говорил с вами о давлении?

Фанни признала, что говорил.

– Хорошо, – подытожила МакЛафлин, с хлопком закрывая карту. Прошлым летом Фанни думала, что где-то в этой исписанной заметками книжке были ответы. Почему она родила так рано? Была ли в этом ее вина, Айзека или Божья? Какое-то время она при любой возможности спрашивала МакЛафлин и доктора Розенталя, но они не давали ей удовлетворительных ответов. В конечном итоге она перестала спрашивать.

Айзек не был сторонником расспросов – ни тогда, ни сейчас. Она снова прошептала ему «радио», и он пожал плечами, не оставляя ей иного выбора, кроме как спросить самой:

– Мы хотели узнать, в этих палатах есть радио?

МакЛафлин посмотрела на Айзека. Не знай Фанни, что это не так, то могла бы подумать, что она нахмурилась.

– Не в каждой.

– Правда? – сказала Фанни.

– Только за дополнительную плату.

– Сколько? – спросила она.

– Дороже, чем готов был заплатить ваш отец.

* * *

После ухода МакЛафлин, Айзеку и Фанни говорить было особо не о чем; Айзек сидел на краешке стула, как будто готовый сбежать в любое мгновение, и рассеянно крутил на указательном пальце свою шляпу. У него были длинные элегантные пальцы.

Наконец, Фанни потеряла терпение.

– Ты испортишь поля, – сказала она, и он перестал.

– Ты видел вчера Гусси? – спросила она, пытаясь найти тему для беседы, которая подойдет обоим.

– Хмм?

– Гусси? Мама говорит, что у нее все в порядке.

– О да, – неуверенно ответил он. – Я… я действительно ее видел.

– Я ужасно по ней скучаю, – сказала она. – Я даже не ожидала, что буду скучать так сильно. Ведь прошлым летом я провела в больнице всего неделю, от силы десять дней.

– Мммм.

Все мужчины становились такими ужасными собеседниками в дискомфортной ситуации, или это особенность ее мужа?

– И как она? Счастлива? – спросила Фанни.

Услышав слово «счастлива», Айзек поднял глаза. На его лбу пролегли морщины.

– Счастлива? – переспросил он, будто не понимая вопроса.

– Счастлива.

– Да, да. Конечно, она показалась мне очень счастливой.

Когда несколько других попыток завязать разговор закончились так же, Фанни отпустила Айзека.

– Тебе пора на работу. Пока МакЛафлин не выгнала тебя за нарушение больничного распорядка.

Она пыталась пошутить, но Айзек не засмеялся. Он уже надел шляпу и вскочил на ноги.

Он наклонился поцеловать ее в щеку, но она схватила его за галстук и притянула губы мужа к своим. Ей хотя бы на минутку требовалось почувствовать себя старой Фанни – Фанни, которая видела в его глазах что-то удивительное, когда он смотрел на нее. Айзек ответил на поцелуй, и на несколько длинных мгновений они снова оказались в своем потайном месте под Набережной на Соверен-авеню. Не было ни Гусси, ни займа, ни Хирама. Их самым большим беспокойством был вопрос, разрешат ли Эстер и Джозеф своей старшей дочери выйти за мужчину без средств.

Когда Фанни отстранилась, щеки Айзека казались немного порозовевшими, а на лицо легла тень улыбки. Он коснулся ее подбородка и поцеловал в кончик носа, прежде чем повернуться к двери.

– Айзек, – позвала она, когда он уже почти переступил за порог. – Я едва не забыла.

Она взяла лежащий на туалетном столике конверт, все еще без почтовой марки, и протянула ему.

– Будь так добр, отправь его Флоренс.

Джозеф

Когда Джозеф добрался до Пляжного киоска Уисшафтера следующим утром после похорон дочери, паренек пятнадцати или шестнадцати лет уже расставлял стулья и разворачивал огромные пляжные зонты.

– Сколько будет стоить арендовать стул на целую неделю? – спросил Джозеф, изо всех сил пытаясь смотреть на лицо парня, а не на безбрежный океан за его спиной.

– Восемь долларов, – сказал он.

Джозефа передернуло. Купить стул вышло бы дешевле.

– Еще надо оставить депозит в три доллара.

Джозеф достал кошелек и начал отсчитывать купюры. Он никогда не смог бы рассказать Эстер, что потратил столько на какую-то фривольность. Мальчишка достал из кармана огрызок карандаша и книжечку с чеками.

– Имя? – осведомился он.

– Джозеф Адлер.

Парень начал болтать, пока заполнял и подписывал чек.

– Слышали об утопленнице в воскресенье?

Джозеф закрыл глаза и увидел, как жену тошнит на пол больничной палатки после того, как пляжный хирург объявил время смерти Флоренс.

– Первая в этом сезоне, – продолжил паренек.

Джозеф заставил себя спросить:

– Известно, кто это?

– Какая-то девчонка, – он передал Джозефу чек. – Принесите его в конце недели, чтобы забрать депозит.

Джозеф едва смог согласно кивнуть. «Какая-то девчонка».

– Ваш – вон тот, – произнес мальчик, указывая на деревянный стул с полосатым сине-белым сиденьем из холстины. На раме синей краской по трафарету был выведен номер «63».

Джозеф подошел к стулу, сложил его и аккуратно взял под мышку. Свободной рукой он коснулся шляпы и зашагал в сторону Стейтс-авеню. Он не отошел и на пару дюжин шагов от песчаной полоски, когда паренек подбежал к нему.

– Сэр, вы не можете уносить стул с пляжа. Он ваш на эту неделю, но он должен оставаться на песке.

Джозеф поставил стул на землю и снова достал кошелек.

– Знаешь что, – сказал он. – Вот еще три доллара. Дай мне унести стул, а когда я его верну, можешь оставить себе еще и депозит.

* * *

Администрация пекарни располагалась на третьем этаже завода, вдали от миксеров, месильных машин и разделителей теста, которые заполняли второй этаж, и печей, стеллажей для охлаждения, станков для резки хлеба и упаковочных станций, которые были на первом.

Когда шесть лет назад Джозеф создавал план здания, он много обдумывал, как лучше испечь буханку хлеба. Выпечка хлеба до такой степени механизировалась – единственный способ зарабатывать на ней, – что ему казалось необходимым пересмотреть каждую часть этого процесса. Он думал об ингредиентах: стофунтовых мешках муки, воде, дрожжах, соли; думал о точном числе минут, за которые поднималось тесто, сколько буханок влезало в печь, как долго хлеб должен был остывать, прежде чем его можно было снять с противня, и раз уж американский народ требовал нарезанного хлеба, на сколько кусков он мог нарезать батон. Если можно было сделать что-то эффективнее, он находил

такие возможности. Для этого он поставил станки на первый и второй этажи, а себя, секретаря, Айзека и маленькую армию водителей-продавцов посадил на третий. Он занял маленький кабинет позади здания, откуда мог следить, как каждое утро грузовики заполняются хлебом, и как они возвращаются под ночь пустые.

Ноги Джозефа горели, когда он поднялся по лестнице и поспешил к своему кабинету. Несколько водителей говорили по телефону, но миссис Саймонс не было на посту, и за это Джозеф был особенно благодарен. Он прислонил пляжный стул к ногам, пока искал в ее столе лист бумаги, который обнаружился в третьем ящике. Черной ручкой он написал «НЕ БЕСПОКОИТЬ» крупными печатными буквами. Слишком грубо? Возможно. Он добавил прописью «Важные дела», надеясь, что это смягчит приказ, и приклеил грубый знак на дверь своего кабинета.

Джозеф закрыл за собой дверь и запер ее на ключ. Затем подошел к окну и опустил жалюзи. Он поставил пляжный стул у камина и принялся рыться уже в своем столе в поисках огарка свечи. С помощью нашедшихся в кармане спичек он подогрел воск и закрепил свечу на крышке пустой банки из-под кофе. Получившийся подсвечник он поставил на каминную полку, зажег свечу и прочитал молитву. Когда он убедился, что пламя не погаснет, он разложил пляжный стул.

Талмуд описывал страдания Иова, когда тот скорбел по своим детям: «И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико». Иов и его отпрыски были мертвы более двух тысяч лет, но стулья для шивы по-прежнему делали низкими, чтобы скорбящие сидели максимально близко к земле.

Джозеф грузно опустился в свой импровизированный стул для шивы, обхватил голову руками и за-плакал.

* * *

Причины держать в тайне от Фанни смерть Флоренс были достойными, но на третий день своего траурного ритуала Джозеф пришел к выводу, что небольшое число людей все же необходимо было поставить в известность.

Например, Клементину Диркин, тренера по плаванию в Уэллсли. Джозеф не был с ней лично знаком, но Флоренс всегда отзывалась о ней тепло, и он предположил, что сможет положиться на нее в том, чтобы сообщить новости администрации колледжа и друзьям Флоренс по команде. Он представил, как в сентябре девочки соберутся вместе, чтобы утешить друг друга и решить, как почтить память ушедшей подруги. Посвятят ли ее памяти заплыв? Выложат какие-нибудь памятные побрякушки у ее шкафчика? Установят в бассейне памятную доску? Джозеф хотел верить, что смерть его дочери оставит прореху, заполнить которую эти девочки не смогут.

Еще оставалось запутанное дело заплыва Флоренс через Ла-Манш, к которому Джозеф не знал как подступиться. О многих деталях Флоренс договаривалась сама. Она не привлекала Эстер, но шла прямо к Джозефу с просьбой купить билет на пароход или забронировать месяц проживания в Отеле дю Фар на мысе Гри-Не. Цифры Джозефа сперва шокировали, но Флоренс убедила его рассматривать заплыв и его стоимость не как траты, а как инвестицию. Если она пересечет Ла-Манш, то вернет стоимость спонсорскими взносами и оплатой за выступления, а «Пекарня Адлера» сможет хвалиться, что на их ржаном хлебе первая еврейская женщина переплыла через Английский канал.

– Я даже напишу рекламные стишки, – шутила Флоренс.

Самой дорогостоящей частью плана Флоренс было привлечение тренера, который направит ее через пролив. Двое мужчин – Билл Берджесс и Джабез Вульф – успешно переплыли Ла-Манш сами и теперь зарабатывали на жизнь, помогая другим мужчинам и некоторым женщинам сделать то же. Они знали приливы и течения Ла-Манша, изучали подходящую погоду и волны. Именно тренер, объяснила Джозефу Флоренс, может обеспечить ей победу или поражение. Он научит ее, как ориентироваться по течениям, накормит горячей пищей и наймет местный лоцманский катер, который будет сопровождать ее все тридцать миль до Дувра. Самое важное, если она выбьется из сил или потеряет сознание, что легко может случиться за сутки заплыва, именно тренер примет решение, вытаскивать ли ее из воды.

В 1925-м был целый национальный скандал, когда Вульф слишком рано вытащил Труди Эдерле. Правила были простые – если пловца касались, неважно по какой причине, его или ее немедленно дисквалифицировали. Эдерле утверждала, что не готова была бросать заплыв, когда Вульф потянулся за ней, и громко жаловалась любому журналисту с ручкой наготове, что тот снял ее с заплыва

без причины. Когда она вернулась во Францию следующим летом и наняла не Вульфа, а Берджесса, она привезла и своего отца – с четкими инструкциями следить за каждым движением Берджесса. Джозеф думал, что по крайней мере в этот раз газетчики показали, как из отца и дочери вышла неплохая команда.

– Если хочешь, можешь отправиться со мной, – сказала Флоренс Джозефу, когда он выписал чек на имя Билла Берджесса для ее депозита. – Будешь моей правой рукой.

Предложение казалось соблазнительным, но он должен был думать о пекарне – не говоря уже о стоимости еще одного билета на пароход и отеля. Теперь, отсиживая шиву по своей младшей дочери, он жалел, что не согласился на ее предложение. Конечно, им не суждено было добраться до Франции, но Флоренс умерла бы, зная, что любовь отца к ней была шириной с любой пролив, который она захочет покорить. Она ведь и так это знала?

Джозеф понятия не имел, как связаться с Биллом Берджессом. Если в корреспонденции Флоренс его адреса не было, возможно, он хранился в записной книжке, с которой она ездила в Уэллсли последние два года. Сколько Флоренс говорила о том, чтобы переплыть Ла-Манш, столько она документировала свои тренировки, диету и даже сон в маленькой книжечке в голубой обложке. На ней она жирными буквами написала: «ЗАПЛЫВ ФЛОРЕНС АДЛЕР ЧЕРЕЗ ЛА-МАНШ». Как уже свершившийся факт.

Джозеф впечатлился ее тщательными записями, аккуратными диаграммами, таблицами, расчерченными по линейке, чтобы линии были ровными. На некоторые страницы она приклеила статьи о других пловцах и других попытках заплывов на длинные дистанции. Он помнил то восхищение, с которым пролистывал страницы, думая – надеясь, – что дочь была так же прилежна и в учебе.

Да, в записной книжке определенно должны были найтись следы местонахождения Берджесса. Что до Диркин, ей, наверное, стоило послать письмо. Письмо она могла передать в администрацию, чтобы занести в архив вместе с документом о частичной оплате обучения. Джозеф с трудом выбрался из стула и встал за стол. Побарабанил пальцами по промокательной бумаге, обдумывая варианты. Наконец, он вызвал свою секретаршу:

– Миссис Саймонс, вы не могли бы зайти на минуту?

* * *

Этим вечером, когда Эстер отправилась в постель, Джозеф воспользовался возможностью и легонько постучал в дверь старой спальни Фанни и Флоренс, которую Флоренс недолго делила с Анной.

– Входите, – услышал он голос Анны.

– Позволишь побеспокоить тебя на минуту? Я ищу кое-что.

Анна лежала в постели – старой постели Фанни – и читала книгу. Когда он вошел, она села, спустила ноги с матраса и нащупала стопами обувь. Джозеф не хотел вызывать у нее неловкость, желая, чтобы она чувствовала себя как дома.

– Не вставай, – сказал он, хотя она уже стояла. – Пожалуйста, садись.

Она неуверенно присела. Ее книга была закрыта, зажимая заложенный между страниц палец. Она следила, как Джозеф оглядывает комнату, будто исследует ее впервые. Неужели он и правда не замечал, как темно тут было по ночам?

– В светильнике нет лампочки? – спросил он.

Анна заглянула под абажур и покачала головой.

– Нет, все в порядке.

– Тут темно. Недостаточно света для чтения.

Анна снова посмотрела на светильник, затем на книгу в своей руке.

– Мне хватает.

Джозеф дал себе зарок присмотреть другой светильник, с лампочкой поярче.

Комната была довольно большой. У одной стены стояли две латунные кровати, которые разделял прикроватный столик, принадлежавший еще матери Эстер. Еще было два комода, ни один из которых не отличался особым качеством. На них располагались всякие безделушки – калейдоскоп, который Джозеф подарил Фанни, когда она уже стала слишком взрослой, чтобы с ним играть, и кубок показательного заплыва, который Флоренс оставила тут, когда они съехали с квартиры прошлым летом.

Он начал открывать ящики комода Флоренс и вдруг подумал, что должен объясниться по этому поводу с Анной.

– Я ищу адрес Билла Берджесса, – сказал он.

Она положила книгу на столик, подошла к комоду и включила другую лампу, которая давала света еще меньше, чем прикроватный светильник.

– Билл Берджесс – это ее тренер? – спросила она.

– Во Франции, да. Или, возможно, в Англии.

– Я не видела записной книжки.

– Я подумал, возможно, он есть в ее письмах. Или в том плавательном дневнике, который она вела. С голубой обложкой.

– Он здесь, – сказала она, подводя его к столику. Она открыла ящик, позволяя висячей части латунной ручки качнуться и клацнуть о дерево, затем отступила в сторону и села на свою постель. – Я не видела писем. Могла она оставить их в колледже?

Джозеф едва не разрыдался при виде голубой книжечки. Вся энергия, все надежды его дочери на будущее, которым не суждено было сбыться. Он взял дневник и сел на постель Флоренс напротив Анны. Буквы на обложке стерлись с тех пор, как он видел книжку в последний раз. Он провел пальцами по тем, что еще были заметны, «Заплыв Флоренс Адлер».

Он медленно перевернул первые несколько страниц, вчитываясь в каждое слово. Запись за июль сообщала, что она заменила завтрак с тоста на банан. «Такое чувство, что я могла плыть вечно», – и ему пришлось остановиться. Он не мог продолжать так, только не перед Анной.

– Вот, – сказал он, протягивая ей книжечку. – Не посмотришь? Я ищу только его адрес. Чтобы написать. Сообщить, что она…

Анна кивнула, открыла книжку и начала листать страницы.

Джозеф восхищался ее серьезностью, способностью сосредоточиться на задаче.

– Ты сильно напоминаешь мне мать, – сказал он, наблюдая, как Анна изучает аккуратный почерк его дочери. – Инес была не из тех, кого легко можно отвлечь.

Анна загорелась от похвалы.

– Она нечасто говорит о… О своем детстве.

– Ты хочешь сказать, она нечасто упоминает меня?

Анна зарделась.

– С чего бы? – сказал он. – Я в прошлом.

– Наше прошлое важно, разве нет?

Джозеф согласно пожал плечами. Он не знал, сколько рассказала ей Инес, но был в курсе, что Анна точно читала его спонсорское письмо.

– Занятно, что именно может запомниться.

Анна перестала листать страницы и подняла на него выжидающие глаза. Он кивнул в сторону книжечки, чтобы она продолжала, а сам заговорил.

– У твоей матери был велосипед, и мы ездили на нем вдоль реки. Я крутил педали, она рулила, и что я помню лучше всего, так это ее волосы, которые вечно попадали мне в глаза и в рот.

– Сколько вам было лет?

Он улыбнулся.

– Девять или десять. Сущие дети.

Анна продолжила листать записную книжку, но уже медленнее.

– Вы не думали о том, чтобы остаться? – спросила она.

– Думал. – Только об этом он и думал осенью, когда им исполнилось семнадцать, как только в письме от брата прибыл билет на пароход. Когда он показал билет Инес, она уставилась на клочок бумаги, будто одним взглядом могла заставить его исчезнуть.

– Тогда женись на мне, – сказала она, осознав, что невозможно заставить его остаться в Лаккенбахе. – Возьми меня с собой.

Анна хотела услышать историю из прошлого, но Джозеф не был уверен, что эта пришлась бы ей по душе. Быстрая помолвка, обещание послать за Инес, как только он накопит достаточно денег, письма через Атлантику – письма, которые внезапно оборвались, когда он встретил Эстер. Он в этой истории имел вид не слишком приглядный.

– Как много рассказала тебе мать? – спросил он Анну.

– Не очень, – сказала она, снова поднимая глаза от записной книжки. – Только то, что вы были помолвлены, но ничего не вышло.

Инес была хорошей женщиной, слишком достойной, чтобы испортить мнение своей дочери о нем правдой.

– Анна, – сказал он, когда она вернулась к своему занятию. – Я не хочу, чтобы ты переживала о матери. О родителях. Если поручительство не поможет, мы попробуем и другие способы.

По щеке Анны скользнула слеза, и она вытерла ее основанием ладони.

– Думаете, консул его не примет?

Добыть Анне студенческую визу было одним делом, а получение виз для ее родителей оказалось совсем другой задачей. Поскольку Джозеф не являлся их родственником, он должен был доказать, что Инес и Пауль не окажутся по приезде на попечении государства – что они сами смогут обеспечивать себя, не лишая при этом рабочих мест достойных американцев. Невозможная задача, учитывая, что их счета были заморожены.

Джозеф не знал, насколько честным он должен быть с Анной.

– Подозреваю, что нам понадобится нечто больше, чем просто спонсорское письмо. Но кто может предсказать?

– С вашей стороны очень любезно обо всем этом помнить после… всего.

Он готов был помочь Инес и Паулю до смерти Флоренс, и поворачиваться к ним спиной теперь казалось неправильным. Себе он говорил, что так хотела бы Флоренс, но это была не вся правда. Джозефу нравилось быть занятым, и он получал успокоение от настолько прямолинейной задачи, как получение визы, какие бы препятствия и сложности ни встречались на его пути. Если он последует всем положенным процедурам, сделает необходимые взносы, возможно, получится как кролика из шляпы достать родителей Анны. Про Флоренс того же сказать было нельзя.

– Ничего, – сказал он, когда Анна долистала записную книжку до конца.

– Адреса здесь нет, – подтвердила она, закрывая ее. – Он есть у Стюарта. Или Стюарт сможет его достать.

Он потянулся за записной книжкой, и Анна передала ее двумя руками, как будто это было что-то хрупкое и дорогое.

* * *

Когда в пятницу утром Джозеф прибыл в офис, там его ждал Стюарт, неловко примостившийся на пляжном стуле. Когда Джозеф зашел, он встал – так быстро, что стул сложился и с грохотом опрокинулся на пол. Джозеф поморщился.

– Ваша секретарша сказала, что вы хотели со мной увидеться.

Джозеф не сказал ни слова, просто прошел к своему столу, взял стоящий за ним тяжелый крутящийся стул из дуба и перенес к камину.

– Садись, – сказал Джозеф. – Там будет удобнее.

Стюарт начал было спорить, но Джозеф поднял руку, отказываясь слушать его возражения.

– Окажи старику услугу, Стюарт.

Под здоровым загаром скрывался усталый и осунувшийся молодой человек. Под голубыми глазами залегли темные круги, и Джозеф задумался, сколько Стюарт спал за прошедшие со смерти Флоренс пять дней.

– Как Фанни? – спросил Стюарт.

– Я хотел бы рассказать тебе. Но, понимаешь ли, я не очень хороший отец. Не навещаю ее.

– Больница?

Джозеф покачал головой, раскладывая пляжный стул.

– Не заходил в нее с войны.

– Я не думаю, что это делает вас плохим отцом.

Джозеф нахмурился.

– Мог бы быть и получше.

– Вы были медиком? Во время войны?

– Водителем «Скорой помощи».

– Вы и Хемингуэй?

– Получается, да, – сказал Джозеф. – Но я водил для армии США. Не уверен, что выглядел так же эффектно.

Нужно было приступить к делу, спросить Стюарта, иначе он мог все утро рассказывать о войне.

– Послушай, Стюарт, мне нужна помощь, чтобы найти Билла Берджесса. Чтобы отменить заплыв.

Стюарт изумленно вздрогнул, будто внезапно вспомнив, что Флоренс не могла быть одновременно мертвой девушкой и чемпионкой по плаванию. Он медленно кивнул.

– Я не знаю, где он живет и можно ли забрать депозит, – сказал Джозеф. – Флоренс занималась всем сама.

– У меня есть его адрес в Кале.

– Тебя не затруднит написать ему? Я не уверен, что готов к этому.

Стюарт яростно закивал головой, как делают люди в кризисной ситуации, когда они благодарны за порученную задачу, неважно, насколько малую.

– Я пошлю телеграмму. Я и в отель могу послать тоже. На случай, если он уже отправился на мыс Гри-Не.

– Спасибо. Позволь покрыть расходы, – сказал Джозеф, доставая бумажник, но в этот раз уже Стюарт поднял руку, останавливая его.

– Пожалуйста, не надо. Это меньшее, что я могу сделать.

Джозеф посмотрел на Стюарта, который опустил глаза к ладоням с обкусанными ногтями.

– Ты же знаешь, что не виноват?

Стюарт ничего не ответил, только кивнул головой, как марионетка.

Джозеф попытался встать на место Стюарта. Что, если бы он потерял Эстер тем первым летом, когда она была одновременно живой женщиной и мимолетным видением?

Когда Эстер вместе с родителями поселилась в «Чорни» летом 1904-го, английский Джозефа был настолько плох, что он боялся заговорить с ней. Вместо слов он предлагал ей лучшие места в ресторане, подавал особо круто сваренные яйца на завтрак и не заказанный кусок бостонского пирога с кремом на ужин. Ее родители замечали его проделки, но в целом игнорировали, полностью уверенные, что их девятнадцатилетняя дочь не ответит на ухаживания восточноевропейского еврея, едва ступившего с борта парохода на континент. Но когда однажды вечером он убирал их стол и нашел записку, которую Эстер оставила ему под брошенной салфеткой, он подумал, что сердце перестанет биться в груди.

«Мои родители после ужина идут в театр. Если у тебя получится уйти с работы, можем ли мы прогуляться? Я буду в холле в половине девятого.

Эстер»

Джозеф никогда еще так быстро не убегал из обеденного зала. В половине девятого, когда зал еще не опустел, а последние тарелки еще не были чисты, он поменялся дополнительной сменой с другим помощником официанта за возможность сбежать пораньше. Джозеф запихнул свой фартук в стойку для зонтов и поспешил в холл, где Эстер уже ждала его на маленьком диванчике. Она сидела прямо и как будто не искала его взглядом, что создавало впечатление – по крайней мере у Джозефа – уверенности в том, что он придет.

Джозеф подал Эстер руку, и они вышли из отеля на Вирджиния-авеню и направились на Набережную, заполненную катающими коляски счастливыми парочками – и несколькими несчастными. Без обсуждений они пошли на юг, в противоположную сторону от Театра Никсона и родителей Эстер. Причал гудел от активности, и отдыхающие потоком вливались и выходили из шикарных холлов стоящих у океана больших отелей. Лампы гирляндой протянулись с одного конца Набережной к другой, и эффект был потрясающий – как звезды, подвешенные в небе для их удовольствия. У отеля «Челси» толпа поредела, и они остановились полюбоваться на яркие огни города, оставшиеся позади.

– Разве можно не любить Атлантик-Сити? – спросила Эстер.

– Нельзя, – ответил Джозеф, наблюдая, как она смотрит на город. В это мгновение он любил Атлантик-Сити больше, чем любое известное ему место. Это был город, где еврейский мальчишка из Галиции мог найти работу, жить на гроши, копить деньги и даже немного развлекаться. А важнее всего, что это был город, который привел к нему эту прекрасную девушку.

На Моррис-авеню они развернулись. Эстер остановилась поднять маленькую ракушку без единой трещинки, которую кто-то принес с песчаного пляжа, только чтобы оставить на Набережной. Для этого она отпустила локоть Джозефа. Когда же она наконец повернулась к нему, с ракушкой в руке, она сделала нечто необычное. Вместо того, чтобы снова взять его за локоть, она осторожно провела рукой вниз по его рукаву, по манжете и к теплому центру ладони, где переплела свои пальцы с его.

– Можно? – спросила она тихим голосом, как будто искренне не была уверена в его ответе.

В это мгновение Джозеф растерял все известные ему английские слова. Он мог только сжать ее ладонь в ответ. Их лица придвинулись достаточно близко к друг другу, чтобы он задумался, каково было бы ее поцеловать, но это ощущение он познал только через несколько ночей.

Они поцеловались лунной ночью недалеко от маяка Абсекон, где яркие огни причала затухали, а Набережная сужалась и сворачивала к бухте. На пляже было тихо и темно. Джозефу показалось, что он заметил в океане горбатого кита, поднявшего хвост, чтобы нырнуть за крилем, и он хотел, чтобы Эстер тоже его увидела.

Он подвинулся к Эстер, ее собственной рукой указывая на точку, где силуэт кита пропал из вида. Она серьезно изучала горизонт, и он заметил вдруг, что задержал дыхание.

– Ты не видишь? – прошептал он ей в ухо.

– Я не смотрю, – поправила она. Эта разница была одной из тех тонкостей английского, что часто ускользали от Джозефа в первые годы в Америке. Он понял ее только много позже, когда дюжины раз прокрутил события того вечера в голове. Эстер не отпустила его руку, но повернулась к нему, опалив дыханием щеку. Когда он едва заметно коснулся ее губ своими, поцелуй был вопросом.

Через неделю Эстер вернулась в Филадельфию с родителями, а еще через год набралась смелости сказать им о том, что выходит за Джозефа. Потеряй ее Джозеф в любой момент после того, как она взяла его за руку, и ее призрак на веки вечные преследовал бы его.

Джозеф позволил себе задержаться на воспоминании об их первых днях вместе, а затем повернулся к Стюарту. Нет, он не хотел знать, сколько на самом деле Стюарт и Флоренс значили друг для друга. Не думал, что знание о том, как любима была его дочь, сделает ее потерю легче.

– Ты помнишь лето, когда Женская плавательная ассоциация привезла Шарлотту Браун в Атлантик-Сити? – спросил Джозеф.

Лицо Стюарта мгновенно просветлело.

– У бухты? Конечно.

– Она была такой крохой. Старше Флоренс на год или два. Ей было пять или шесть? Когда она нырнула в воду, Флоренс закричала, чтобы я спас ее, – сказал Джозеф, посмеиваясь от воспоминания. – Она проплыла полдюжины ярдов, прежде чем я убедил Флоренс, что она не нуждается в спасении.

– Я тоже ходил с отцом, – сказал Стюарт, и на мгновение показалось, что мыслями он был далеко.

– Флоренс видела семидесятитонного кита у Стального пирса, но было что-то особенное в девочке ее возраста, которая разрезала воду, словно форель.

Стюарт в ответ не то хохотнул, не то вздохнул.

– Она могла сама научиться чему угодно, – сказал Джозеф.

Флоренс любила рассказывать, что плавать ее научил отец. Байка получалась хорошая, потому что Джозеф сам плавать не умел. Ему потребовалось только привести ее к воде, так же, как и Фанни.

Он выбрал спокойный летний день и дождался отлива, прежде чем послать Флоренс переодеваться в купальный костюм. Затем провел ее по Метрополитен-авеню, через Набережную, мимо купален и стульев для аренды к пирсу Хайнц. На плече он нес длинную веревку; один конец он привязал к толстой деревянной балке подальше от свай пирса, а другой сбросил в воду, наблюдая, как веревка разворачивается в воздухе.

Когда они вернулись на пляж, Джозефу пришлось по пояс зайти в воду, чтобы найти конец веревки, который он вытащил на берег и обвязал вокруг тонкой талии Флоренс. Он несколько раз потянул за получившееся спасательное приспособление и объявил его надежным.

– В воде твои руки и ноги должны постоянно двигаться, – выдал Джозеф свое единственное указание.

В тот день Флоренс научилась плавать – ничего похожего на настоящие гребки, но достаточно, чтобы держать голову над водой.

– Флоренс нужно было знать только одно, – сказал Джозеф Стюарту, – я верил, что она поплывет.

– Вы сделали ей подарок, – сказал Стюарт, впервые встречаясь взглядом с Джозефом.

– Разве?

Стюарт нахмурился.

– Я предлагаю сделку, – сказал Джозеф. – Отныне мы больше не будем говорить о…

Легкий стук в дверь прервал Джозефа.

Миссис Саймонс чуть приоткрыла дверь.

– К вам мисс Эпштейн.

– Анна? – одновременно спросили мужчины.

Айзек

Откинувшись на стуле достаточно далеко, Айзек мог увидеть дверь в кабинет Джозефа. Всю эту неделю она была закрыта. Он всегда поглядывал на нее – никогда не было лишним следить за приходом и уходом тестя, – но на этой неделе он следил за ней особенно внимательно.

Эстер наказала Джозефу и Айзеку вернуться к работе и вести себя так, будто ничего не случилось, но Джозеф свое задание с треском провалил. Ни опущенные жалюзи, ни глупое объявление от руки на двери его кабинета

обычными не казались. А в четверг, когда после обеда миссис Саймонс зашла в его кабинет и вышла явно не в себе, Айзек уверился, что Джозеф рассказал ей правду о Флоренс. Эта женщина, обычно такая стойкая, несколько минут промокала глаза, прежде чем удалиться в уборную, откуда даже сквозь свист вентиляции Айзек слышал ее рыдания.

В пятницу посетители повалили рекой. Сперва друг Флоренс Стюарт, затем Анна. Приход Стюарта казался в каком-то смысле логичным – этот неудачник явно был от Флоренс без ума. И все знали, что он в ссоре с отцом, так что не было удивительно, что он прицепился к Джозефу. А вот визит Анны объяснить было сложнее, и в итоге Айзек большую часть дня размышлял о нем. Насколько Айзек знал, за три месяца, проведенных с Адлерами, она ни разу не приходила на завод. Сегодня она провела в кабинете Джозефа четверть часа, возможно, чуть дольше, а ушла с явным облегчением. Окна кабинета Айзека выходили на улицу, так что он выждал тридцать секунд, которые понадобились бы Анне, чтобы спуститься на два пролета лестницы и выйти из здания, встал, потянулся и подошел к окну.

Занятно – ее ждал Стюарт. Он сидел на ступенях завода со шляпой в руках, повернув лицо к солнцу. Когда Анна открыла тяжелую входную дверь, он вскочил на ноги. Как Айзек ни старался, разобрать их разговор ему не удалось, но он проследил взглядом, как они вместе идут вниз по Теннесси-авеню, прежде чем вернулся к работе.

Разобраться в Анне было тяжело – отчасти из-за сильного акцента, отчасти оттого, что возникла она из ниоткуда. По легенде мать Анны, Инес, выросла вместе с Джозефом, но Айзек был уверен, что все не настолько просто. Одно дело, что Айзек написал Анне спонсорское письмо – все знали, что цена им не больше стоимости потраченной бумаги. Но вот поселить ее в свободную комнату – совсем другое. Айзек не думал, что Джозеф был человеком, который пустил бы в свой дом кого угодно.

Не приходилось сомневаться, что дела в Германии шли плохо. За год с тех пор, как нацисты пришли к власти, они уже сняли евреев с государственной службы, ограничили права еврейских докторов, юристов и специалистов других профессий, запретили выступления еврейских актеров и ограничили число еврейских студентов в немецких школах и университетах. Джозеф внимательно следил за происходящим и пересказывал самые ужасные случаи Айзеку, когда тот приходил и уходил из офиса на третьем этаже. Вместо приветствия Джозеф

выдавал заголовок из утренней газеты: «Они отобрали лицензии у бухгалтеров-евреев» или «Никаких больше медицинских университетов для евреев в Баварии». По словам Джозефа, Рузвельт засунул голову в песок, и, если американцы собирались ждать, пока что-нибудь сделает Конгресс, то ждать им пришлось бы еще долго. Как и многие предприниматели-евреи в городе, Джозеф вносил пожертвования в Американский еврейский комитет, и Айзек подозревал, что жертвовал он немало, раз его имя было в «Золотой книге», а президент местного отделения регулярно звонил Джозефу лично.

Не сказать, что Айзека совсем не волновали беды немецких евреев. Просто в России дискриминация была последним, что тревожило людей. Айзек вырос на рассказах об избиениях и изнасилованиях, о том, как целые деревни предавали огню – и ему тяжело было возмущаться, что еврейским торговцам в Германии нужно было помечать свои магазины желтой Звездой Давида. Ему казалось почти чудным, что тесть считал преследование евреев чем-то из ряда вон.

Считалось, что Анна приехала, потому что не могла поступить в университет в Берлине – или в Германии вообще. Когда ее мать написала Джозефу, он с радостью взялся решать проблему деньгами. Может, Айзек был старомодным, но ему не казался международной проблемой тот факт, что девушка не смогла поступить в университет.

Айзек покатал карандаш между пальцев, затем постучал им по столу. Ему нужен был план. Близились выходные, и, если он не поторопится, то проведет их в гостиной Эстер и Джозефа, отсиживая ускоренную шиву.

Не то чтобы Айзек не скорбел по Флоренс или не хотел почтить ее память. На самом деле он остро чувствовал ее потерю. Он помнил свои первые визиты на квартиру Адлеров, когда двенадцатилетняя Флоренс допрашивала его с той же яростью, что и ее родители – и с куда меньшим тактом. «Ты целовал ее?» – однажды поинтересовалась она, глядя ему прямо в глаза. Айзек, который в своей семье был ребенком – хоть с ним никогда не нянчились, – поражался ее самоуверенности и с определенным удовлетворением следил, как она превращается в женщину настолько же громкую и порывистую, какой была девчонкой.

Сидеть по Флоренс шиву будет больно. Невыносимо без Фанни и отвлекающих посетителей. Айзек мог попытаться ускользнуть на несколько часов в субботу, сказать Эстер и Джозефу, что должен навестить Фанни. Но больница вызывала у

него неприязнь не менее сильную, чем квартира тестя. Дело было не только в Хираме. Сказывалось что-то в акушерском крыле, в обилии женщин, обеспокоенных жизнью и смертью, что делало его беззащитным. Он чувствовал, как Фанни изучает его, будто без вмешательства окружающего мира видела его гораздо четче.

Айзек помнил о письме, которое Фанни дала ему, когда он навестил ее во вторник, чувствовал его тяжесть в кармане пиджака. Оно все еще лежало там, сложенное вдвое, с начавшими загибаться уголками. Он достал его, разгладил и стал изучать почерк жены. Округлая «Ф», размашистая «А». Что бы сделала Фанни, узнай она о смерти Флоренс? Была ли Эстер права? Будут ли новости слишком тяжелыми для нее?

Айзек так не думал. Но, с другой стороны, это он уговорил Фанни покататься с ним на аттракционе с машинками прошлой весной.

Стоял прекрасный день за два месяца до родов, и Эстер предложила присмотреть за Гусси после обеда. Было в том дне что-то свободное, что напомнило Айзеку об их первом лете вместе, еще до свадьбы. Они съели гамбургер в «Мэмми» и прогулялись до Стального причала, недавно вновь открытого. Они пробрались сквозь толпу, рассматривая громкие палатки с играми и яркую карусель в самом центре пирса. За ней виднелся новый аттракцион с большой желтой вывеской, на которой огромными синими буквами было написано: «ВЫШИБИХ».

– О, я поняла, – сказала Фанни. – Вышиби их.

Пятнадцать или двадцать человек, все в крошечных металлических машинках с резиновыми бамперами, кружились по маленькой площадке.

– Смысл в том, чтобы врезаться друг в друга? – спросил он, когда у них на глазах мужчина, слишком большой для крошечной машинки, врезался в машинку мальчика, скорее всего своего сына. Фанни ничего не сказала, только засмеялась, когда от удивления мальчишку бросило вперед.

Айзек достал из кармана два четвертака, протянул их Фанни и сказал:

– Прокатимся? Ты всегда хотела научиться водить.

Фанни покачала головой, желая остаться наблюдателем, но Айзек настоял.

– Как в старые добрые времена. Помнишь, когда мы катались на карусели? – продолжил он с блеском в глазах.

– Думаешь, это безопасно? – спросила она, положив ладонь на живот словно для защиты.

– Естественно.

Когда следующим утром у Фанни пошла кровь, Айзек не хотел верить, что эти два случая как-то связаны. Они сразу же позвонили Эстер и Джозефу, сказали, что что-то пошло не так и что им надо срочно забрать Гусси. Пока они ждали Джозефа с машиной, Айзек практически умолял Фанни простить его или, по крайней мере, не рассказывать об аттракционе.

– Фан, мы едва стукнулись. В смысле, ты ведь ничего не почувствовала, правда?

Она ничего не сказала, просто смотрела на него испуганными глазами.

– Мы же просто развлекались, – сказал он с отчетливой ноткой страха в голосе.

Хирам родился в шесть часов вечера, но Айзек о сыне узнал только в половину десятого. Доктор, представившийся Габриэлем Розенталем, нашел Айзека в приемном покое больницы, и та манера, с какой он произнес «мистер Фельдман», дала Айзеку какую-то отвратительную уверенность, что ребенка они потеряют.

Фанни пережила отслойку плаценты, объяснил доктор Розенталь. Единственное, что они могли сделать – это позволить ей родить.

– Она?.. – спросил Айзек, не зная, как завершить вопрос.

– Она в порядке. Мы внимательно следим за ней, но кажется, что кровотечение остановилось.

– А ребенок?

– Он очень мал, – сказал доктор. – Вряд ли переживет ночь.

– Он?

– Да, это мальчик.

– Мальчик, – онемело повторил Айзек.

Доктор взглянул на него с сожалением в глазах.

– Могу я его увидеть? – спросил Айзек.

– Мы этого не рекомендуем.

– Да, но я все равно хотел бы, если это ничего не изменит.

Доктор провел Айзека наверх, в ясли, где сестра усадила его на стул в центре комнаты. Вдоль стен стояли колыбельки, но Айзек старался не заглядывать в них, опасаясь, что увидит сына прежде, чем будет готов к встрече. Сестра подошла к колыбельке и достала из нее сверток одеял, не сильно отличавшийся от других. Она прижала его к груди и замешкалась, когда приблизилась к Айзеку.

Когда она передала ему сверток, Айзек удивился, каким тяжелым и горячим он оказался.

– У него жар? – взволнованно спросил он.

– Это просто грелка, – объяснила она. – Мы пытаемся поднять его температуру.

Он приподнял уголок одеяла и обнажил красное, умудренное лицо крошечного старичка – большой лоб, никаких волос, глаза зажмурены. Его голова была не больше шара для бильярда. Рядом действительно торчала обернутая в полотенце бутылка с горячей водой.

Этот ребенок выглядел просто ужасающе – но одновременно с этим и по-странному прекрасно. В нем невозможно было узнать ни пронзительные карие глаза Фанни, ни линию роста волос Айзека, но обещание этих и множества других знакомых черт помогло ему разглядеть что-то за странностью сына.

– Я убедил Фанни прокатиться на аттракционе с машинками вчера. На пирсе, – сказал Айзек, не отрывая глаз от своего хрупкого сына. Он почувствовал, как в горле замирает дыхание. Слеза прокатилась по его щеке и упала на лоб сына. Он смахнул ее большим пальцем – таким огромным на фоне его крошечных черт. – Это моя вина?

– Простите. Я не знаю, о чем вы, – сказал доктор Розенталь.

– Машинки врезаются друг в друга. Я врезался в нее раз, может два. Сильно, мне кажется. Ну, не совсем. Это же аттракцион. – Он знал, что говорит слишком много и попытался прекратить. – Она смеялась.

– Я хотел бы знать с точностью, но иногда сложно определить причину, – сказал доктор таким же едва теплым тоном.

Сестра была добрее.

– Возможно, у нее было высокое давление или что-то другое. Иногда это просто случается.

Айзек не мог поверить, что этот ребенок, который весил не больше двух фунтов, был тем самым малышом, о котором Фанни мечтала столько лет. Почему он не подарил ей его раньше?

Взгляд Айзека упал на карточку, вложенную в колыбельку ребенка. На ней было написано: «Фельдман, мальчик».

– Мы назовем его Хирам, – сказал Айзек.

Доктор посмотрел на сестру, и та вынула карточку из колыбели. Она достала из кармана ручку и зачеркнула слово «мальчик». Над ним она размашисто написала большими буквами: «ХИРАМ». Айзеку понравилось, как имя смотрится на бумаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бубала – дорогая (идиш.).

2

Хевра Каддиша – с арамейского «святое общество», погребальное братство, сообщество людей, которые оказывают последние почести умершему, готовят его к погребению, проводят обряд похорон.

3

Техора – ритуальная чистота в иудаизме, а также обрядовые действия, выводящие человека из ритуальной нечистоты.

4

Видуй – исповедание грехов.

5

Шма (Шема) – три известных отрывка из Торы о единственности Бога, любви к нему, верности его заповедям.

6

Тахрихим – похоронная одежда.

7

Шомер – охранник (ивр.).

8

Кейн хоре – буквально: «Нет сглаза!». Аналог «тьфу-тьфу-тьфу» и постучать по дереву.

9

Шива – недельный траур в иудаизме для родственников первой степени родства.

10

Сеудат хавраа – трапеза утешения (ивр.).

11

Хеспед – поминальная речь в честь умершего (ивр.).

12

Квура – захоронение (ивр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/binlend_reychel/florens-adler-plavaet-vechno

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить